

18+

Павел Иванович Шилов

Русское авось

Павел ШИЛОВ
Русское авось

«Издательские решения»

Шилов П. И.

Русское авось / П. И. Шилов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836889-9

В книгу Павла Шилова вошли роман «Русское авось», повести «Благородная месть». «Царапина», «Демон моей души» и повесть в письмах «Вот такая их судьба», а также рассказы. Роман «Русское авось» рассказывает о нашем менталитете, мол, авось пронесёт, но порой как-то всё идёт не так, как это задумано, то есть наперекосяк.

ISBN 978-5-44-836889-9

© Шилов П. И.
© Издательские решения

Содержание

Русское авось	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	28
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	47
Глава 9	50
Глава 10	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Русское авось

Павел Иванович Шилов

© Павел Иванович Шилов, 2020

ISBN 978-5-4483-6889-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Русское авось

Глава 1

Смерть бывшего агронома колхоза «Путь Октября» Виктора Уварова, который уехал в город, где не прошло и года, погиб на производстве, а за ним и его однокашник Игорь Кочин, начальник цеха химического завода. Весть о случившемся потрясла Елизаровку. Старухи шептались: «Боже, неужели это страшный рок? Ведь вражда их семей идёт с незапамятных времён. Эта вражда, как бурная река, зажата каменистыми берегами, временами выплёскивает свой гнев, и тогда становится всем тошно, потом утихает, чтобы в скором времени, набрав новые силы, вспыхнуть ещё более ожесточённое и злее. В чём же кроется такая дикая причина?..

Люди, помнившие деда Игоря Кочина, говорили:

– Дед то у него был о-хо-хо – огурчик. Сам в траве лежит, брюхо чешет, а баба пашет на лошади. Попробуй сказать что, вожжами так замордует, белый свет будет не мил. Подойдёт, бывало сосед Григорий, дед Виктора Уварова скажет: «Лежишь Матвей, пузо греешь». Он вскочит как ошпаренный и ответит: «Только сейчас отдал управление чертовой бабе, устал, столько толокся на этой пашне, дух вышел. Вот смотри, Григорий, только отдал жеребца и сразу огрех».

Он показывал на те участки, где было вспахано хорошо и улыбался, ожидая поддержки жены. Она вся потная и уставшая говорила: «Это он пахал, он. Я не могу так работать – мужик ведь». Григорий то знал, кто это сделал, но не говорил, боясь, что Маришка снова получит вожжами, если она, хоть чуть даст намёк, будто он лодырь, да к тому же ещё и ничего не умеет делать.

Жили они, конечно, не ахти как, но!.. Порой Матвей, поглаживая на солнце живот, смотрел на дом Уваровых и шипел себе под нос: «Сволочи, будьте вы трижды прокляты трудяги. Управы на вас нет, только и следят за мной. Может я, так хочу жить, и мне никто не указ».

Так бы всё и шло, но вот грянула Октябрьская революция, повернувшая всё с ног на голову. И Матвей, напившись до одури, кричал:

– Дорогу беднейшему крестьянству. Гуляй! Теперь наше время!

И он гулял, до тех пор, пока не замёрз в снегу около деревни под Новый год. Маришка всплакнула для приличья и успокоилась: у неё оставался сын Пётр, который в то время набирал уже силу, преследуя, как тогда говорили бандитов вместе с сыном Григория Михаилом. Вроде эти семьи и дружили, но что-то в их дружбе было зловещее, не подвластное уму. Уваровы умели работать и любили труд, Кочины же презирали его, болтаясь по деревне с умными лицами. Они, подсмеиваясь над теми кто в поле рвал жилы, вздыхали открыто и надменно: мол, дурака работа любит, а дурак работе рад.

И вот Пётр Кочин, – председатель сельского совета, а Михаил ушёл по стезе госбезопасности. Иван Уваров – брат Михаила остался в деревне и вскоре был выбран председателем колхоза «Путь Октября». Но он недолго проработал председателем. По доносу председателя сельсовета Петра Кочина, как говорили люди, был арестован вместе с друзьями перед самой войной. По счастливой случайности, или тут вмешался брат Михаил, дело обошлось без суда. Он погиб под Псковом в первом же бою, где был комиссаром Пётр Кочин, а командиром его друг Владимир Забегалов. После боя подполковник отдела СМЕРШ Михаил Уваров собственноручно расстрелял обоих как врагов народа, погубивших считай целый полк. Остались от полка единицы, чудом уцелевшие в этой кровавой бойне. Отцы погибли, а сыновья, поддерживая друг друга, выросли. Игорь Кочин стал начальником цеха химического завода, Виктор Уваров агрономом колхоза «Путь Октября», где ещё до войны его отец работал председателем.

лем. И всё шло хорошо. Игорь приезжал в деревню из города и похвалялся, что как он хорошо устроился, делился своими планами с Виктором и был доволен собой. О нём ходили льстивые слухи по округе, кто их запускать, было ясно. Многие молодые парни и девушки, нацелились именно к нему, ведь он сулил молочные реки и кисельные берега. И, конечно, молодежь колхоза на это клюнула: зарплата, не сравнимая с колхозной и квартира – плюс бесплатные путёвки на юга, где можно погреть живот и расслабиться на полную катушку. Виктор Уваров кивал головой в такт Кочину, но оставался холоден от его приглашения переехать в город и устроиться в его цех. Так происходило с каждым приездом Игоря. Они частенько выпивали, а потом долго беседовали друг с другом, и всем казалось, что их дружба не как у всех, она – сильна и величественна.

Осень. До весны ещё далеко, а сейчас вот-вот ударят морозы, задуют метели и посыплет снег.

– Ну, что им сдался этот город, что? – бормотал про себя агроном колхоза Виктор Уваров, мужчина тридцати двух лет. – Поехали, да поехали. Да разве здесь плохо?..

Он ходил по полю, тяжело вытаскивая ноги в резиновых сапогах, которые вязли в раскисшем суглинке. Холодный, порывистый ветер сгибал деревья, срывая жёлтые листья. А по полю тянулись следы от комбайна, наполненные водой и соломой.

«И в этом году по урожайности колхоз пролетел, – думал он, – опять по области мы на последнем месте. Может быть, действительно моя вина как агронома есть. Где-то я недопонял, не среагировал вовремя, когда это надо было».

Уваров видел красное лицо председателя совхоза Голубева, который вот уже в течении нескольких лет злится на него как только разговор начнётся об урожайности. Сейчас Виктор стоял и смотрел себе под ноги, а они утопали и утопали в землю. Ветер крепчал, на краю поля скрипели деревья. Он почувствовал пронизывающий холод, и почему-то в памяти возникли слова:

«А север дальний, а север дальний»...

И тут ему вспомнился неприятный разговор с женой Маринкой и тётцей о том, что надо ехать в город пока молодые, дескать, чего проживать в деревне? Все умные люди там. И только вы Богом обиженные толчётесь здесь. В их голосе было столько убеждённости, что Виктор молчал, не знал чем ответить. Ему не хотелось уезжать. Он думал, что тесть – друг отца поймёт ситуацию и вступится за него, но тот молчал, оставляя право за женщинами, а они, войдя в раж, на все лады расхваливали город. И Виктор сознавал, что ему не устоять против жены и тётчи и придётся уезжать неизвестно куда. От этого ему становилось ещё горше и обиднее. Он знал, переступи порог, и снова тётца примется за своё, а Маринка придёт ей на помощь. Измором берут, давят на сознание, мол, у тебя двое сыновей, какими ты их вырастишь? В городе музыкальные школы, разные клубы для детей, а здесь что?.. Скука и только. Бегают они как беспризорные по деревне. Разве им дашь нужное развитие? К тому же, наученные мамой и бабушкой, сыновья говорили: папа, в город хотим. А сами с грустью смотрели в окно. Вот и думай отец, где лучше.

Уваров не заметил, как опустились над полем сумерки, как потемнел лес, образуя сплошную тёмную стену, которая как бы надвигалась на него своей таинственной громадой. Он попытался вытащить ноги и не мог.

– Сильна наша земелька, засосёт, скоро не вырвёшься, – сказал он вслух и потянулся.

Он раскачал сначала один сапог, выдернул ногу, затем другой, отошёл в низину, смыл липкий суглинок в луже и зашагал домой. Встречный ветер трепал его русые волосы, бил в грудь, но погружённый в свои мысли, он не заметил ничего кроме этого поля. «Эх, сколько было с ним хлопот, сначала осушили, потом подкормили удобрениями: аммиачной селитрой, потом навозной жижей, но оно не дало желаемых результатов». И Виктор ломал себе голову, почему? Что мешает этой земле давать хорошие урожаи? Он больше всех любил это поле, наде-

ялся на него и страдал. А оно будто омертвелое, лежало под его ногами и чего-то ждало. Чего? Уваров не знал. И ещё больше страдал от своей беспомощности. Ведь он агроном с высшим образованием, не первый год в поле. И вот!.. Он ругал себя, напрягал свою память, но ничего не мог вспомнить, не заметил, как подошёл к своему дому и, подняв глаза на окна, в которых горел яркий свет, понял, что в доме его уже давно ждут.

– Витька, на кого ты стал похож, – этими словами на пороге встретила его жена Маринка, – не брит, в расстройстве. Разве так можно? Не бережёшь себя.

Он хотел сказать: «А каким бы ты меня хотела видеть»? Но не сказал, пошёл в избу, у печки сбросил сапоги, поставил их в коридор, умылся под рукомойником на кухне и вошёл в зал, где на диване сидели теща и тёща. А на столе пытел самовар, стояла непочатая бутылка водки, стопки, пустые тарелки с ложками и вилками, нарезанный небольшими ломтиками чёрный хлеб. Уваров понял, что его уже ждут давно, и разговор будет болезненный и трудный, ведь не зря собрались все вместе. Тема была одна – город.

Тяжёлой, угловатой походкой подошёл тесть Иван Петрович и, положив руку на плечо Виктора, сказал:

– Заждались мы тебя, сынок, – и улыбнулся вкрадчиво, – вино прокисает.

– Вино, – вздохнул Виктор и поперхнулся словами.

Он недоговорил. Слова заклокотали в горле.

Иван Петрович взглянул в глаза зятю и крикнул:

– Машенька, а побыстрей нельзя? Живот подвело.

– Денисов, одну минутку, поголодаешь, больше съешь, – ответила мать Виктора. Она всегда его звала так, когда он надоедал ей. И он замолкал, будто набрав в рот воды.

Сидя на диване, Виктор подумал: «Мама, неужели и ты за отъезд? Помогите мне быть твёрдым, я же агроном. Моё место в жизни – село. Если каждый будет так рассуждать, как жена и теща, то кто останется в деревне? Здесь жил мой прадед, дед, отец, да и ты мама. Куда же нам ехать? Земля наша – вот она».

На столе появилась тушёная картошка со свининой, горячие щи из квашеной капусты, грибы, огурцы. Тесть на правах старшего разлил водку по стопкам. Себе и зятю стограммовые, женщинам маленькие рюмочки.

– За что выпьем то? – спросил он, поднимая свою стопку.

– Молча, – сказала Мария Ивановна, зная, что сыну тосты ни к чему. Он и так за последние дни пока идёт осада весь издёргался.

Иван Петрович, выпив, крикнул, потянулся к своей тарелке и начал жадно есть, приговаривая:

– Ну, Машенька, ты и искусница готовить вкусные обеды. Ох, щечки – объедение, а картошечка сама в рот лезет.

Он готовился сказать что-то главное, смотрел на жену Настю, дочь Маринку, искал у них поддержки, но они ели, опустив глаза в тарелки. И он успокоился, глядя в окно, где царствовала ночь. Первой не выдержала теща, вздохнула протяжно:

– Вон Анька Рожнова, откуда только и деньги берутся? Как выходной – так и пьянка на всю деревню. Если бы жить с умом!

– В городе живёт, деньжищ невпроворот, – хмыкнула Маринка.

«Ну, сейчас начнётся. Кажется, они уже договорились, – подумал Виктор. – Эх, вы – люди!»!

– Сколько лет, Витя, ты бьёшься над этой урожайностью, а чего добился? Везде тебя только и склоняют: Уваров, да Уваров. Я бы так давно бросила всё. Лучше работать трактористом, чем агрономом, получают триста рублей и никакого спросу, – продолжала Маринка.

Все подняли головы и смотрели на Виктора, но он, уткнувшись в тарелку, ел. Руки его слегка вздрагивали, по лицу пробежали тени стыда.

– Да, – почесал за ухом Иван Петрович, – конечно, дела у тебя сынок худые. Урожайность на наших полях – кот наплакал, даже неудобно вслух сказать.

Он помолчал, повертел в руках бутылку и разлил оставшуюся водку.

В избе наступила тишина. С русской печки склонялись головы сыновей: Мишки и Ивана. Даже кот перестал вертеться под ногами, будто бы заподозрив что-то неладное.

– Игорь-то Кочин – друг твой, Виктор. Начальником цеха работает, – пробурчала себе под нос Анастасия Петровна.

– Дуолом полный, а подишь ты!.. В институте с двойки на тройку еле переползал. Сам говорил, что, если надо троечку, то ведёт декана в ресторан, посидят там и троечка обеспечена. А как он дипломную делал? Да не он её делал, а тот декан, с которым он в ресторан ходил. Кочин только деньги заплатил и, конечно, немалые. По пьяне как-то болтнул своему товарищу, с которым приезжал в деревню. Тут услышала бабка – соседка и разнесла слух по всей округе. Он обижался, доказывал всем, что он хорошо учился и дипломную работу делал сам. Но слово не воробей, сорвалось, не поймашь. Иван Петрович хмурился. Он склонил голову на бок, и в глазах его застыла боль. Ведь ты, Виктор, сколько лет помогал ему учиться в школе. Неужели он добра не помнит?

– Можно и в город ехать, я не против, но только не к Игорю, – скороговоркой заговорила мать.

– Почему, Маша? Ведь он друг Виктора, – растянул в трубочку губы Денисов и осёкся, вспоминая события прошлых лет.

– Что ж можно, я съезжу и к Игорю, узнаю что там и к чему, только не сейчас, а весной. – Виктор расправил широкие плечи, посмотрел на всех по очереди. – Кто же на работу устраивается осенью?

Глава 2

Иван Петрович встал из-за стола, надел ватную куртку и вышел на улицу. Ему было не по себе, что сломался зять, не выдержав их атаки. Он спустился вниз к реке и услышал её шум, которая накатывала на берег тёмные, холодные волны и местами светилась, отражая свет деревни. Он медленно, чтобы не споткнуться, приблизился к воде, ощутив разгорячённым телом её холодное

дыханье. Сзади послышались шаги. Денисов понял, что это к нему приближается Виктор, но он не обернулся, не посмотрел в его сторону. Они сели у реки на выброшенное волной дерево, Затем из уст тестя полилось повествование о том, как они дружили с отцом Виктора. И как воевали в одном взводе, как был ранен Денисов, и как отец Виктора тащил его под градом пуль и осколков, и сам попал под пулю немецкого снайпера уже на своей территории. А потом Михаил Уваров, дядька Виктора, подполковник особого отдела «СМЕРШ» собственноручно расстрелял своих деревенских мужиков, командира полка Григория Забегалова и комиссара Петра Кочина, которые бросили свой полк в бой без подготовки и разведки и почти полностью его погубили.

На лицо упали первые снежинки и растаяли. Денисов даже не пошевелился. Он сидел, устремив свой взгляд на противоположный берег реки, где в тёмном мареве ночи выдвигалась небольшая деревня, которая была уже почти заброшена. Основная масса людей жила уже в городе, забыв свои корни, где они родились и выросли.

– Отец, этот дом строил мой дед Григорий, – донёсся до Денисова взволнованный голос зятя, но Иван Петрович не ответил, чтобы не расплакаться. Он знал всё. И Виктор замолчал.

Река плескалась и билась в берега, накатывая бугристые волны, которые, скатываясь, пенились и шипели. А тёмные тучи ползли и ползли, создавая ауру человеческого бессилья и непонимания.

– Да, Виктор, твой дед Григорий, царствие ему небесное, сгинул в империалистическую, жаль мужика, мало пожил. Бывало, сядет на берегу реки, обнимет свою ненаглядную, и шепчет ей на ухо: «Зина, хорошо-то как, так бы и сидел на берегу и слушал шум реки, кажется, чище и милее нашей Шексны нет рек, да и природа здесь чиста и доверчива как малый ребёнок». Когда это было, Витя? С тех пор прошла целая вечность. А уж мастер был, таких во всей округе поискать. Смотри, какой дом отстроил! Большой души был человек. Одно крыльцо что стоит. Какая резьба по дереву, Витька! А фигурные столбики, поддерживающие крышу, кажется, бегут тебе навстречу, здороваются. Сам дом обшит тёсом, да не простым, а тоже с канавочками и фигурками. Я сколько не старался сделать что-то подобное, ничего не получалось. Руки и голова оказались не те.

– Ну, хватит, отец! – не выдержал Виктор. – И так тошно.

«И чего это я в лирику ударился, – подумал Иван Петрович, – расстраиваю только парня. Нет бы, помолчать, так повело».

Он поёжился. Чёрные волны набегали и набегали на берег. Небо вызвездило. Яркая луна показалась на небосклоне, и казалось, что она улыбается, но на душе у сельчан было мглисто, хоть волком вой, будто они перешли какую-то запретную зону, откуда уже не было возврата.

«Вот так всегда накатывает, когда выпью, – опять вздрогнул от тревожной мысли Денисов, – видно уж так устроена моя душа. Ох, Иван, Иван, уж ты прости меня старого дурня, что помог сбить твоего сына с истинного пути. Да и где он этот путь-то, где? Может быть, это самый правильный путь, если основная масса деревенского народа уже в городе. В революцию думали: скоро придёт счастье для всего народа, кровь лили, людей сгоняли с насиженных мест. И всё это для блага человека, и всё во имя опять же его. На крови своё счастье хотели построить, на бедствии других. По-человечески ли это?.. Уж я и не знаю. Но с теми с кем расправи-

лись, кажется, не плохие были люди – работяги. Вот и водилось у них кое-что. А такие как Пётр Кочин, да и Гришка Забегалов – голь перекатная, пили до одури, да хулиганили, а потом же они и управлять стали нами. Работать на совесть – нет охоты, а к власти прорвались, злобу затаили на тех, кто был побогаче их. Думали им всё возможно, а оказывается, и нет. Ваньку Уварова, отца-то Витьки как измочалили, живого места на лице не было. Машу хотели у него увести, но не тут-то было. Не пошла она за Петьку. А ему так хотелось, даже тут быть наверху. Эх, жизнь наша, куда идём? Что у нас за душой?

– Виктор, давай спать, – раздался голос Маринки, – поздно уже.

И как бы в тон своей дочери закричала и тёща Виктора:

– Иван, пора домой. Я спать хочу, а ты придешь и меня разбудишь.

– Ложись, Настя, я скоро, – ответил ей Иван Петрович, – посижу немного и приду.

– Смотри не простудись, осень уже – не май месяц сидеть на берегу-то реки.

Настя недовольно пробурчала и ушла. Денисов смотрел на воду, где булькалась мелкая рыбёшка и молчал, молчал и Виктор. Иван Петрович потёр грудь, задумался. Он мысленно ушёл в свою молодость и увидел, как к его дому с тремя милиционерами подъехала гнедая лошадь, запряжённая в простую крестьянскую телегу. И вот он уже лежит скрученный верёвками, и скрипит от боли зубами. А старший из ментов матерно ругается: «Афоня, охраняй его, а то сбежит контра. Мы сейчас ещё прихватим этого Уварова, председателя колхоза, да Ивана Тыквина – целый букет Иванов – сволочи, расстрелять мало. На самого вождя народов подняли свою грязную руку. Ведь только подумать на газете был напечатан портрет самого Иосифа Виссарионовича Сталина, а этот Уваров подтёр газетой свой мерзкий зад, да и бросил в кусты. Хорошо, что не вывелись бдительные люди, принесли нам эту улику как вещественное доказательство его отношения к вождю. А то бы так и прошло. Теперь-то уж мы знаем что делать. Троечка дружков у нас на крючке. Если он завопит, заткни ему глотку. И не церемонься – они враги народа».

Вскоре появился и Иван Уваров с огромным синяком под глазом. Он не сопротивлялся, но двое сзади шли и крутили ему руки. Уваров скрипел зубами и молчал, выводя своих мучителей из себя. Рядом бежала русоволосая жена Маша и кричала: «Что вы позволяете изверги? За что?» Рыжий, лицо побитое оспой, зло ругался. «Шлюха поганая, что вякаешь? Закрой рот! Скоро и за тобой приедем. Каков муж, такова и жена. Докажем, помяни меня. Ишь, расфуфырилась, распустила косу-то. Вырвем её, как ядовитое жало контры, чтобы не смущала мужиков».

«Не твоя – поддонок, так и злобствуешь», – прорычал Уваров. «Захочу, и будет моей. Сама приползёт. А от тебя какой прок, даже мужиком быть не можешь».

Он подбежал к Ивану и резко ударил его сапогом в пах. Иван, скрючившись, падает. Он приготовился ещё ударить его, но жена, не владея собой, впилась зубами в руку милиционера. Рыжий верещит от боли и, торопясь, вытаскивает наган. Вытащив, целится в грудь женщине.

– А-а-а, – кричит Иван Петрович, и слышит голос Виктора:

– Отец, что с тобой?

Денисов очнулся, посмотрел на реку, на звёзды и сказал:

– Заснул, кажись, и снова увидел, как нас трёх Иванов забирали в сорок первом НКВДШНИКИ, как вцепилась Маша, мать твоя зубами в руку одному из них, когда он ударил твоего отца в пах. Я сейчас кричал также как и тогда, чтобы привлечь людей. Но никто не подошёл. Понимаешь, как были напуганы наши односельчане. Уверен, что из окон своих домов, они смотрели на нас. Мне кажется, анонимку на нас написал старший из Кочиных. Он был недоволен, что во главе колхоза стоит не он, а его сосед Иван Уваров. Сплетни распускал, слухи, чтобы сбить народ, но у него ничего не получалось, вот, видимо, он и решился на крайность. А эти держиморды и рады стараться.

Глубокие морщины прожитых лет сбежались к переносице, образовав целую сеть извилов и рытвин. Лоб, словно испаханное чёрное поле, как бы ощетинилось своими кочками и корнями, медленно менял цвет с чёрного загорелого на жёлтый. И всё лицо его вздрагивало мелкой дрожью. Потухшие глаза его были обращены на реку.

– Эх, Иван, Иван, – сказал он с болью и надрывом, и было не понять, к кому были обращены эти слова: не то к погибшему другу Ивану Уварову, не то к себе.

– Отец, успокойся. Не казни себя. Ты и так многое пережил. Стоит ли себя загонять в гроб раньше времени, – сказал Виктор.

– Тяжко вспоминать эти годы. Я и все мы радовались жизни, что вот всё настроится, и мы счастливо заживём в светлом будущем, то есть коммунизме, ведь с таким трудом мы одолели врага, разруху.

Глаза Ивана Петровича засветились, и он ушёл в воспоминания.

Глава 3

«Пусть, – подумал Виктор, – может быть, старику станет легче. Его душа очистится от скверны, которая давит его душу».

Сейчас Денисов видел, как между деревьев тянулась лесная дорога, как скрученный верёвками скрипел зубами Иван Уваров, Иван Тыквин и он Иван Денисов. Он всегда ощущал эту физическую боль, но сильнее всего была нравственная рана: мол, работал, работал и вот ты Иван – есть враг народа. «А что я такого сделал, что сделали эти два Ивана, которые, скрючившись на телеге, стонут от боли? Какое нам обвинение предъявят, да и будет ли оно вообще».

С такими невесёлыми мыслями сидел Иван Петрович на берегу реки Шексны и думал: «Ну что же не хватает людям, и почему они грызут друг друга?»

– И вот наконец-то приехали в район, – продолжал Денисов. – Лошадь встала, и трое молодчиков соскочили с телеги. А мы – трое Иванов лежали в телеге, нам даже было не пошевелиться. Подошёл опять тот рыжий и, злобно сверкая глазами, сказал: «Ну что, интеллигенттики, сейчас вас допросят, а в скором времени и к стенке. Я бы сам всадил вам по пуле».

На крыльцо вышел мужчина лет тридцати-пяти сорока. Он посмотрел на нас и сказал рыжему: «Документы. На основании чего вы их забрали и привезли сюда». – «Вот, Пётр Иванович, улики и заявление доброжелателя, который всей душой болеет за Советскую власть и любит всей душой нашего вождя товарища Сталина». Взяв брезгливо кончиками пальцев бумаги, начальник поморщился, но ничего не ответив, стал читать анонимку, потом подошёл к нам и спросил: «Кто здесь Иван Уваров, председатель колхоза?»

Иван приподнялся и, узнав Петра Ивановича, закадычного друга Михаила, снова опустил голову, застонав от боли в паху.

«Развяжите и пусть топают домой», – сказал мрачно Вологдин, прикоснувшись рукой к спине Уварова. Видимо, он так с ним здоровался, сам опасаясь навета со стороны рыжего.

– Вы что, Пётр Иванович, ведь это злейшие враги товарища Сталина, нашей партии и народа, – взвился тот рыжий. – Я этого так не оставлю».

– Война, товарищ Гвоздев. И пусть они кровью смоят свой позор, – хмуро буркнул Вологдин. – Вам товарищ Гвоздев через три часа прибыть на поезд и явиться в распоряжение подполковника Михаила Григорьевича Уварова. – «Нет, – заверещал Гвоздев, – только не к Уварову». – Это приказ, а приказы не обсуждаются было бы тебе известно».

– Виктор, мы раздавленные и физически и морально поплелись в свою Елизаровку. Какой это был ужас, даже трудно сейчас представить. Твой отец не мог идти, а у нас с Тыквиним тоже не было сил. «Полежим, – сказал тогда Иван, – я больше не могу. Надо посмотреть чего сделал со мной этот ублюдок». – Мы отошли от дороги в лес. Иван снял брюки, и мы ужаснулись. Огромный синяк становился фиолетовым, зловеще расширяясь всё больше и больше, темнел. – «Умеет бить поддон, – ругнулся хмуро Иван Тыквин. – Гнать таких нужно из органов НКВД. Ничего у таких нет святого». – Мы тогда с твоим отцом промолчали. Виктор, понимаешь. Вот тогда я стал задумываться – жизнь это что-то страшное и непонятное нам. Видел, люди, получив власть, становились просто мерзавцами. Они могли просто перешагнуть через труп отца, матери, сестры, брата. Взять хотя бы Гвоздева. Он своего отца упрятал на десять лет, где тот и сгинул. Михаил, конечно, об этом знал, знал и Вологдин. А за что? Да отец как-то брякнул в присутствии сына, что коммуна раскулачивала всех зажиточных сельчан, которые трудились от зари до зари, соберут их добро, промотают и снова ищут жертвы, где бы снова пожить. Правда, его отец и сам был не прочь покутить за счёт других, но когда наступало просветление, становился самокритичен и резок, видел то, что не видели другие. А зачем это было слышать сыну, когда его восходящая звезда карьеры начала подниматься так стремительно. Какие уж тут родственные связи, когда сам чёрт ему стал не брат.

Иван Петрович умолк, сжавшись в комок, толи от холода, толи от переживания. Ветер шевелил на его висках у чёрной кепки седые волосы. Он посмотрел на реку, где бурлила и волновалась вода, на деревню, где в окнах уже погасли огни.

– Да Виктор, жизнь наша была не сладкой. Может быть, вам повезёт. – Он почесал за ухом, громко чихнул: – Борьба, кровь, страдание людей. Я до сих пор не понимаю, к чему всё это? Разве построишь светлое будущее на крови и страданиях людей? Что-то в это верится с трудом. Сколько я знал в округе хороших работающих людей, и, конечно, честных. И все они ушли по этапу. Я до сих пор чувствую присутствие негодяя Гвоздева и его дружков, хотя их уже давно нет в живых. Гвоздева расстрелял Михаил Уваров за измену родине, а те двое, что были с ним, погибли при исполнении служебных обязанностей. Правда, слухи доходили, что их прибрали свои же за трусость и выкаблучивание перед ними. Но это никем не доказано. Все они были из соседнего села вон на той стороне Шексны. Люди говорили, дескать, по заслугам каждый награждён. А мне их жалко, кроме злобы на людей, они ничего не знали. Молодые, но души их были испорчены основательно. Страшное это чувство, Виктор. Кто не пережил этого, не поймёт. Меня до сих пор бросает в озноб это ощущение. Вижу глаза Гвоздева и его дружков. Вот они. Ох, как это позорно для человека. Тебя скручивают, бьют и везут на грязной навозной телеге, будто и ты дрянь навозная. Но ты же человек, человек, вот в чём дело.

– Успокойся, отец, нельзя так. И сколько лет уже прошло с тех пор. Пора бы и зарубцеваться душевным ранам.

– Говорить хорошо, а вот, как вспомнишь – мороз идёт по коже. Многие наши мучители ещё живы, и ждут своего часа, чтобы снова творить своё грязное дело. Власть, как она дурно влияет на людей, как калечит их души. Ты бы, Виктор, посмотрел, как этот Гвоздев упивался своей властью над нами. Он мог нас спокойно убить, искалечить, превратить человека в ничто, потому что он наш бог, судья и владыка. Этого не забыть, пока человек жив. Мне вот и сейчас становится трудно дышать, вспоминая прошлое. Что с нас можно было взять? Трудились, как и все, жили просто и этим были довольны. И вот – враг народа, отщепенец и что-то вроде вурдалака. Ты уже не принадлежишь своей родине, семье и земле, которая тебя выпестовала и пустила в свет.

Всё тело Денисова вздрогнуло, и из глаз потекли обильные слёзы.

– За что, Виктор, – вырывались из глотки слова горечи и обиды. – Война спасла нас от позора. Спасибо ей. Хоть и грех великий перед народом и страной говорить так, но для нас, она сыграла великую роль. Я чист, мои друзья Иван Уваров и Тыквин тоже, хотя они и погибли в неравном бою. Мы смыли свой «позор» кровью. Кто в ответе за наши страдания? Кто выследил Ивана Уварова, когда тот подтёр портретом товарища Сталина свой зад. Как это всё мерзко, Виктор. Я даже представить себе не могу. А ведь мы бы могли за это поплатиться жизнью. Жизнью, понимаешь!

Уваров молчал. Он представил себе, как трое молодых парней, брошенных на навозную телегу, скрипят от боли зубами, а те трое похохатывают, и лица их самодовольны и радостны. Потом он увидел, как эта телега вышла из деревни и скрылась в лесу. Вскоре по деревне, не оглядываясь, пробежала молодая женщина. Из её глаз катились обильные слёзы. Виктор узнал в ней свою мать. За деревней она упала в траву лицом и затихла будто мёртвая. Опускаются сумерки, она зашевелилась, поднялась на ноги. Её бросило в сторону, но удержалась за тонкую берёзку и долго смотрела на дорогу, по которой увезли её мужа, потом, не владея собой, закричала: «Боже, да что же это такое? Помогите нам, Боже!»

– Мне не забыть проводы мужиков на фронт, – продолжал Денисов. – Все собрались около сельсовета. Гармошка Николая Куприянова не смолкала. Музыка была какой-то жгучей и душераздирающей. Все жители деревни были здесь от мала до велика. Были собаки, чуя недоброе. Их били палками, кидались камнями. С Шексны дул ветер. Было жарко и душно. От земли поднимался светлый зной. Скворцы с полными клювами червячков сно-

вали по деревне, сверкая своим чёрным опереньем. Мы – новобранцы ждали машин, которые должны были нас отвести в район для общего сбора. Раздался гул моторов, и вскоре машины появились. Подняв облако пыли, встали. Из кабины вышел молодой капитан, осмотрел нас, сдвинул фуражку набекрень и с теплотой в голосе сказал: «Прощайтесь, товарищи, и по машинам, время не ждёт. Нам сегодня надо быть в казарме и приступить к изучению нарезного оружия.» – Виктор, ты бы посмотрел, как забила твоя мать, бросившись на шею твоего отца. А ведь ей и двадцати не было в то время. У меня сердце разрывалось от боли. Я ещё не успел очухаться от трагедии с арестом, и тут новая беда. Я хотел было пошутить: мол, недельки через две разобьём врага и вернёмся. Иван тогда взглянул на меня и ничего не ответил. Он знал, что этого не произойдёт, да и Мишка писал ему, что враг силён, и крови будет очень много. Так что шутка моя прошла мимо души, не затронув их чувств. Я, конечно, и не рассчитывал, что что-то может произойти, просто было самому страшновато. Нас усадили в машины и моторы, чихнув тяжко, потянули в гору. В казарме показали винтовку, рассказали, как целиться, как стрелять. Сделали по три выстрела в мишень, потом несколько дней помуштровали, погрузили в теплушки и...

Денисов посмотрел на Шексну, потянулся до хруста в суставах, перекрестился. А в деревне уже погасли огни, они же сидели и сидели. На Ивана Денисова накатило. Ему было больно и жаль того, что случилось. Конечно, ему не хотелось отпускать своих близких в город, но и здесь, живя в деревне, он не видел перспектив для молодого поколения. Придёт бугорок и прикажет: дескать, сеять и всё тут. А попробуй не подчинись! А виноват кто? Да, конечно, агроном. Кто же ещё больше, не подготовил вовремя поле, не сделал соответствующую обработку. И вот результат. Урожая-то нет. Ну, какой же ты к чёрту агроном, когда не можешь справиться с полем, не знаешь его, не удобряешь. Ведь стоит только внести аммиачной селитры, как результат налицо: картошка становится крупной и чистой, урожайность возрастает вдвое, втрое, не говоря уже о зерновых. Заладил ты, Виктор Иванович, что всё должно быть в норме – передозировка удобрений, пагубно сказывается на растениях. Если бы ты делал как все: вали валом после разберём, и Голубев был бы доволен и районное начальство, так ты всё по своему, вот и получаешь шишки. Может и моя вина в том, что ты такой вырос. Я ж у вас был классным руководителем и учителем физики. Стоило ли было мне внушать тебе эти принципы, на которые сейчас не обращают внимание. Сделал и всё тут. А какие будут последствия, уже никого не волнует. Как страшно, Виктор, что у нас на родине что-то всё не то. Бросаемся из крайности в крайность. Прём, как быки на красную тряпицу. Хотим хорошо жить, а сами не знаем, как это сделать. Боже, какой был энтузиазм в народе. И ради чего проливали кровь? Брат убивал брата, сын отца. Я говорю с тобой откровенно, Виктор, высказываю свою боль, думаю, ты не побежишь на меня...

– Эх ты, тесть ты мой тесть! Да за кого ты меня считаешь! Я что тебе враг. Или хочу на твоих костях карьеру себе сделать, – возмутился Виктор. – Я думаю, семья Уваровых, никогда не пробивалась по трупам других. Да и время сейчас уже другое. Ушли в прошлое тридцатые годы, сейчас можешь говорить, что душе заблагорассудится. Никита Сергеич дал небольшие послабления.

– Ты прав, Виктор. Семья Уваровых себя не давала в обиду и других не обижала. Если бы что, я бы за тебя не отдал свою дочку.

Глубокие морщины на обветренном тёмном лице Ивана Петровича собрались в густую сеть у самой переносицы. Он протяжно вздыхал, потирая лоб и виски, чтобы отогнать бьющую в голову кровь. Как- никак годы и такое нервное переживание. Чуть что заболела голова или закололо сердце.

– А с твоим отцом у нас была большая дружба, Виктор. Мы, как это поётся в песне: «Хлеб и соль делили пополам». Дай Бог каждому так дружить. И когда он погиб, я хотел жениться на твоей матери, понимаешь сам, как ей было трудно в те годы, но она меня отвергла. Вот это

женщина! Ведь я любил её и до сих пор люблю. Такая молодая, и никого к себе не подпустила. Конечно, она была красавица в те годы, и желающих на ней жениться было о-го-го сколько. Но она всегда была одна.

Он взял в свои жилистые руки ветку и сломал её. Хруст ветки оглушительно раздался над уснувшим берегом. Денисов встрепенулся, посмотрел на деревню. Свет в домах давно уже погас, и только звёзды, появившиеся на небосводе, говорили о том, что времени уже много и пора спать.

– У твоего отца Ивана-то Григорьевича даже в уме не было, чтобы кого-то посадить. Бывало, пожурит немного, да и простит, потому что у него была душа, – продолжал Иван Петрович. – Как его жалели в деревне, Виктор! После начался какой-то мрак. Николай Куприянов, единственный мужик в деревне, родственник Кочина, стал после Ивана председателем, показал себя кто хозяин в деревне. Люди затрепетали от страха. А он на гнедом коне ездил по полям и лесам, и если кого заметит, кто берёт что-то колхозное, обязательно соберёт всех деревенских и скажет: «Вот они вредители и расхитители, а значит и наши враги. Таким нет пощады. Им не место среди нас. Они обкрадывают нас и наше народное государство. Кругом враги народа, а эти люди помогают им. Так разве мы можем мириться с этим злом?» Большинство людей молчали, зато усердствовали его послушники. Был случай, когда за колоски посадили мать пятерых детей Аграфену Смирнову. Муж погиб под Сталинградом, а она одна, помощи ждать неоткуда. Дети пухнут с голоду. Вышла в поле пособирать колосков ржи, поле уже было убрано. Только вышла, а он тут как тут. Она ему в ноги: дескать, не губи, Николай Иванович, не бери грех на душу. – «Мать – перемать тетка. О каком грехе ты говоришь? Бога нет. Я здесь царь и бог, – заругался Куприянов, – воруешь и молишь о пощаде – не бывать этому». Он кнутом погнал женщину на площадь и запер ее в амбар до утра.

Утром проснулись дети, а матери нет. Нужно в школу идти, а от голодухи живот подвело. Они выскочили на улицу, туда, сюда, и вскоре увидели, как Куприянов вывел из амбара их мать. В руках она держала корзинку, а в ней, как вещественное доказательство: несколько ржаных колосков. Односельчане, бледные и понурые, стояли молча. Аграфена, на ней лица не было, упала в ноги народу и завывала: мол, не губите меня, ведь дети малые, как они будут без меня. Дети подбежали к председателю: « Николай Иванович, как же мамку-то в тюрьму посадят, помогите!»

У деревенских людей сердце обливалось кровью. А Куприянов с горящими глазами заговорил: « Чего раскисли? Мы не имеем права жалеть воров. Если каждый будет брать, хотя бы по одному колоску, знаете, во что это обернется? Сейчас за ней приедет милиционер. Будет открытый суд, чтобы всем было неповадно брать колхозное.» – «Простите, люди, бес попутал, дети малые есть хотят.» – выла женщина, ползая у людей в ногах. Но Куприянов только ехидно улыбался: мол, заюлила хвостом, когда его прижали – гадюка. Откуда у него было столько злобы, понять невозможно. Вскоре приехал милиционер. Аграфена ломала себе руки и умоляла народ и председателя. Но председатель был глух, а народ бессловесен. В тюрьме Аграфена покончила с собой, а ее ребятишек отправили в детдом. Не могла она выдержать этого надругательства над собой. Потом он парня посадил лет четырнадцати, который залез в колхозный сад. Намотали парню порядочно, где-то лет десять. Пришел он, вскоре женился, да и умер, не прожив с молодой женой и года. Чахотка. Конечно, я говорю не все, а только то, что засело глубоко в памяти. Гордый он был и непроступный, но все же его Бог наказал. Нашли Куприянова в сточной канаве обезображенного до такого состояния, что было трудно узнать. Да ты об этом сам знаешь. Слух прошел, что это дети Аграфены Смирновой отомстили за мать, но доказать это никто не мог. Убили и убили, а кто?.. У старух языки досужие: мол, что посеял, то и пожал. Бог покарал нечестивца. Куприянов и Кочин – одна кровь. Что-то есть в их генах мерзкое, а вот что? Ну, никак не пойму, чтобы сказать определённо.

Денисов обнял зятя, затем потянулся до хруста в суставах и продолжал:

– И попали мы в полк, где командиром был Григорий Забегалов, комиссаром Пётр Кочин. Они были друзья детства. Сидим мы с Иваном в теплушке, ведём разговоры: «Да дела, – качает головой твой отец, – вон наш полковой комиссар тот вообще герой. Он всегда был такой, вспомни его в деревне». Я ответил, дескать, чем это плохо? Иван ответил: «Конечно, если с царём в голове». Он показал на висок пальцем и крутнул им: мол, чуть-чуть с чужинкой. Не гневи Бога, Ваня. Не надо осуждать комиссара перед боем. Мы простые люди, да и Петька, может быть, уже не тот, учился, женился, с умными людьми встречался, сын у него Игорёк в деревне живёт. Так что! Я думаю, ты простил его. «Сын у меня совсем крошка на руках у Маши остался. Как они хоть там живут? – вздохнул протяжно Иван, – знамо дело, им нелегко, но что поделаешь – война». У тебя хоть сын остался, а у меня никого. Убьют и всё. Я даже девичьих губ не целовал, признаюсь. Любовью обзавестись не успел, а так не мог. «Ты у нас был всегда привередлив – девушка тебе не девушка, – пошутил он. – Татьяна Осипова чем не девка, всё при ней. И, кажется, к тебе равнодушна». Скажешь тоже, – ответил я ему. – «Ладно, ладно не красней как красная девица. Ты, как-никак, всё же воин. Ничего особенного у меня уже всё это было. Люблю свою Машу. Сам знаешь, сколько за ней побегал, от ребят по получал. Однажды так измолотили, что домой уйти не смог. Спасибо Маше отыскала, домой притащила. Красивая она у меня: взгляд, походка, характер», – выталкивал из себя Иван. – Я ему говорил, мол, видимо, не один ты любил, вот и били. – «Знамо дело, не один. Петька Кочин главный соперник. По его указке я, наверное, и был бит». На какое – то мгновение он замаялся. Мне показалось, что он уснул, потом я услышал его взволнованный голос: «Боже мой, Маша! Куда же ты?» – Ваня, ты чего? – сказал я ему, не поняв случившегося. Он ответить не успел. Поезд уже остановился. Мы стали выскакивать на перрон, строится.

Солнце жарило. Дышать было нечем. А впереди гудела и содрогалась от взрывов бомб и снарядов земля наша. Ни чья-нибудь земля, а наша, русская. И, кажется, что сама земля гневается от неслыханного на ее груди изуверства. И течет кровь русская и немецкая. А кому это нужно? Для того ли земля рождает людей, кормит, поит, одевает. И гибнет-то самая сильная часть человечества. Не может земля-кормилица с этим смириться. Она ропщет и стонет. Хочет открыть глаза людям: мол, смотрите, какая я красивая, очнитесь. Разве не для вас я цвету? Но люди, ослепленные яростью, избивают друг друга, может быть, вот из-за этой самой красоты. «Эх, люди, люди, все вам мало, – вырвалось тогда у твоего отца, – для чего вы рвете грудь земли? Неужели у вас ум для того и создан, чтобы подрубать сук, на котором сидите?» – «Эй, земляки, и вы здесь? – раздался голос Петра Кочина. – Наворочаем теперь фашистам. Долго будут помнить».

Он тепло поздоровался с нами и вздохнул. Мне показалось, что он хотел спросить о своей семье, но не спросил.

По небу ползли рваные черные тучи. Вскоре все небо потемнело, зашевелилось. Ударил долгожданный проливной дождь, который так сейчас нужен был посевам, земле и всему живому.

– Кстати, – улыбнулся перед строем полковой комиссар Кочин, – к месту сосредоточения придем без помех с воздуха. Уж больно надоедают эти фашистские ассы. Беда от них, да и только. Схватили Родину за глотку, не вздохнуть. Будем стойки. Наше дело правое, Враг будет разбит. Победа будет за нами.

Перетянутый портупеей, Кочин был высок, строен и плечист. По смуглому широкому лицу текли дождевые капли, устремляясь за ворот защитной гимнастерки. Но на эти маленькие неудобства он не обращал внимания и смотрел в построившиеся лица солдат. Мне почему-то казалось, что он искал в наших лицах отголоски своих дум и стремлений. Он знал, что эти Вологодские, Ярославские и Костромские ребята не подведут. Только бы выиграть первый бой, пусть даже самый незначительный, мало что значивший в этой круговерти города Пскова. Но это уже будет кое-что. Какая-то, но все же победа. Земля своя, она придаст силу

каждому солдату. Мы ее хозяева и должны сами вершить свои дела. И смерть фашистам неминуема. Моя Родина ждет от меня победы. В Елизаровке жена, сын, родители. А рядом наша столица и любовь – Москва. Строилась она столетиями, цвела, хорошела, горделиво подняв свои башни вверх. Попробуй посмотреть на лик кремля, и на тебя дохнет такой стариной и чистотой русского бытия, что невольно вспоминается: и монгольское иго на Руси, и Дмитрий Донской, и Иван Грозный, укрепляющий русское государство, и, конечно, многое другое, отчего кружится голова, и к сердцу подступает восторг за тех, кто когда-то жил на этой земле, кто оберегал ее от лютых недругов. Из глубин ее доносится зов предков. Он грозный, непримиримый. Он требует не щадить своего живота во имя Родины и Отчизны. Вам есть, где черпать мужество. Вся жизнь Великой России – это отражение неприятеля. Впитывай, не брезгуй этот кладезь истории. У нас каждый камешек этим дышит. По всей стране и за рубежом покоятся русские косточки. Богатыри нигде не трусились, погибли, но не склонили свои буйные головы перед врагом, Вот они шепчут, кричат, волнуются. Я слышу их голоса, слышу. Они сливаются в один мощный поток, будят во мне святое отмщение за поруганную землю. У меня вырастают крылья, крепнут руки, оттачивается острота зрения для точной стрельбы. В душе один клич – вперед на врага. Бой должен быть красивым, сметающим всё на своём пути. Шум боя всё нарастает, ширится, гремит. Я слышу его. Он уже заглушил шум дождя, биение моего сердца. Я думаю, что подобное чувство должно быть у каждого из нас здесь стоящих. Вперед, товарищи! Остановка смерти подобна. Смотрите, весь горизонт содрогается. В этом хаосе ничего не понять. И где там свои, и где враг, но мы разберёмся и поймём. А пока занимайте вот эти окопы, – указал он нам, – отдыхайте, приводите себя в порядок пока не просветлело. А ночевать будем вон в тех окопах, где сейчас находится враг.

Мы стали располагаться. И тут крик Кочина, обращённый к командиру полка Гришке Забегалову: дескать, чего мы медлим, надо с ходу штурмовать, уходят драгоценные минуты, их потом наверстать будет труднее, если будет упущен миг. Немцы не выдержат нашей атаки – это уже доказано с прошлой войны. Психика у них хлипковата и нервы тонкие, не то, что у наших – верёвки.

Понимаешь, Виктор, меня трясло – первый бой. Я посмотрел на Ивана. Его тоже поколачивало, но он старался не показывать дрожи в теле.

Дождь, как внезапно начался, так и кончился. Выглянуло солнце, осветив поле боя, где по всему горизонту тянулись наши и немецкие оборонительные линии, а кругом лежали убитые. Похоронные команды не успевали собирать трупы. Временами раздавались одиночные выстрелы, и кто-то со стоном падал. Боя здесь как такового не было. Обе стороны устали, только снайперы не прекращали своей дуэли, укрывшись в надежных тайниках и следя за противником через оптический прицел.

Я видел, как Кочина сковала предбоевая дрожь, все тело дергалось, будто по нему пустили ток. Он смотрел в стереотрубу на вражеские окопы, но там была полнейшая тишина.

– Повемерли там что ли? – зло сказал полковой комиссар и оглянулся на командира полка. Забегалова.

Его, как и Кочина тоже потряхивало. Он держался всеми фибрами своей души, но и его молодость толкала схватиться с врагом. Немцы – вон они на горюшке. Один бросок и все. А там рукопашная. Наши умеют молотить штыком. Бациллы патриотизма проникали в самые сокровенные места души и оставались там, соединяясь с пылом полкового комиссара. Во всем теле была необычайная легкость, которая толкала нас на бруствер, толкала в спину, смеялась: мол, трус, чего с него взять. И мы, уже не владея собой, были все там, кричали, ругались и били по ненавистным ромам фашистов. Но пока для атаки приказа не было, и надо было ждать.

– Григорий Иванович, – обратился Кочин к командиру полка, – давайте рванем, ведь до врага рукой подать, да и если они там, что-то уж больно тихо.

Командир полка, казалось, не слышал слов комиссара и друга. Он весь был углублен в свои мысли, нервно дергалась щека, да по лицу пробегала краснота возбуждения. «Молод еще, – думал я, – тебе бы не полком командовать, а ротой. И мне стало страшно, Но потом пришла спасительная мысль: мол, мы еще себя покажем. Молодость и храбрость города берут».

Мне казалось, что в душе майора Забегалова, командира полка, боролись два чувства. Он хорошо понимал: в случае неудачи, командира и комиссара ждёт трибунал, так как начали свои действия без приказа сверху, а если посмотреть с другой стороны, то есть на удачный исход – победителя не судят. Инициатива снизу это очень хорошо. И все мы стоящие в строю понимали, будь любой из нас на его месте, немедленно бы дали приказ о наступлении, потому что ждать уже стало невтерпёж.

День близился к концу. Косые лучи солнца, окрасив кусты и деревья в малиновый цвет, придали боевитость нашему духу. В груди холодок, покальваньё. Какая красотища!.. И что-то сейчас должно произойти, кто-то должен умереть. На меня напала сентиментальность и слезливость. Для чего же тогда наша земля сверкает так изумительно и чисто. Что там впереди нас ждёт – победа или смерть? Вот она исковерканная и обезображенная врагом, снова блестит, омытая проливным дождём. Земля вздыхает тяжело и протяжно. Я, как сельский житель чувствую, как ей больно. Я молодой и сильный с оружием в руках позволяю врагу глумиться над святой – святой земли нашей. Кто потерпит такое? Разве только болван, которому всё трин-трава. Хотя нас трёх Иванов опозорили и морально раздавили, но ведь Родина в опасности. И на тебя смотрят живые глаза детей, матерей, жён. О сколько родной земли под врагом, но не только земли, а и людей наших. Мне уже двадцать восемь лет, сила есть, почему бы и не отличиться? Что медлят Кочин и Забегалов? И вот Кочин говорит Гришке: «Ну чего командир раздумываешь? И расстояние-то до немцев раз плюнуть, возьмём их окопы, там и будем отдыхать». – «Конечно, бы неплохо, но как без приказа, разведки и артподготовки». – вздохнул Забегалов. – «Нас такая орава, передушим их как блох. Ты что не уверен в наших солдатах?» – «Уверен. А сколько нас полегло? Страшно даже и подумать. Лишние жертвы лягут на наши души тяжёлым бременем» – «На войне без жертв не бывает».

Забегалов посмотрел на окопы противника и сжался, скорее всего от недоброго предчувствия. Волевое лицо командира вдруг как-то всё померкло и осунулось. – «Их и не будет. Чего ты Гришка волнуешься? Я сам поведу в бой полк». – «Веди», – согласился командир полка.

Они ещё недолго постояли, каждый думая о своём, потом заглянули друг другу в глаза, пожали руки, зашли в блиндаж, закурили. Даже здесь земля гудела и тряслась. С правой стороны от полка ну, совсем рядышком шёл ожесточённый бой. А здесь пока было затишье. Мне твой батя сказал тогда, смачно выругавшись: – «Сволочи, надеются на авось. Это ж война!»! Я хотел ему возразить, дескать, командир и комиссар знают что делают, но не успел.

Кочин, почувствовав азарт боя, улыбался как-то загадочно и таинственно. Он уже ощущал себя бегущим впереди в солдатской цепи. И мне почему-то подумалось, что он в руке держит не пистолет, а берёзовый кол, с которым во хмелю по праздникам гонялся за парнями с другой деревни. Свистнула пуля, скользнув по каске. И комиссар, очнувшись, понял, что это хлещет не копьё, а пули. И может быть, вот сейчас со стоном кто-то упадёт. У меня засосало под ложечкой, и я понял: в атаку без разведки и артподготовки идти нельзя. Комиссар же пошёл по окопам, предупреждая командиров рот о готовности к атаке. Лица солдат были сосредоточены и злы. Они поняли, что через несколько минут закипит бой. Кочин приблизился к нам, улыбнулся, подбадривая нас. И я ощутил саднящую боль под сердцем. Я понял: кто-то, может быть, уже не увидит белый свет, представил, как забьётся Маша, мать твоя Виктор моя мать. Что скажет комиссар полка Игорь Кочин. И тут я успокоил себя – война, ничего не поделаешь – убивают.

По цепи прошла команда. Кочин, сильно оттолкнувшись, выскочил на бруствер окопа. Он не видел, что делается за спиной, знал – не подведут его солдаты. Кто-то из соседнего полка

крикнул: «Куда же вы? Здесь каждый сантиметр пристрелян». – «Труссы, паникёры, – услышал я голос комиссара, – зарылись как кроты в землю и сидите». От этих слов болью обожгло моё сердце, но комиссар бежит с пистолетиком в руке, значит и нам нужно бежать. А враг молчит. Уже половину одолели. Ещё совсем маленький рывок и окопы. Я слышу, как комиссар смеётся над крикуном, который хотел остановить нас от этого мощного броска, наплыва страсти, жажды боя. Ему не удалось поколебать нас, – думал я, – вот это величие русского духа, стремление к победе, преданность Родине. Боль под сердцем у меня прошла. И я летел вместе со всеми вперёд. Ещё немного. Теперь не сбиться бы с ритма бега. Я чувствовал, что победа уже в наших руках.

В лицо светило яркое солнце. И было видно, как Кочин радовался удаче, этому вечеру и земле, по которой он победно несётся. Да, Виктор, это был миг счастья. И тут земля вздрогнула от взрывов. Кто бы мог подумать, что у них такие крепкие нервы. Я почувствовал горячее дыханье сзади, в середине полка, потом толчок в спину, упал и оглянулся. Около меня лежал твой отец и что-то мне шептал, но из-за грохота взрывов, я ничего не слышал. Кругом стоял визг, шум, грохот. Откуда взялась такая силища у немцев? До сих пор не пойму. От пыли и гари всё небо заволочло. Где свои, а где чужие было не понять. Мы из своих винтовок стреляли наугад по направлению противника. Осколки и пули визжали. И было такое ощущение, что из нас уже никто не увидит белый свет. В таком грохоте о наступлении нечего было и думать, сохранить бы хоть часть полка.

Кочин, захлёбываясь пороховыми газами и пылью, подавал команды к отступлению. Голоса его, конечно, не было слышно, лишь открывался и закрывался рот. Почти рядом от меня разорвалась мина. Меня спасло то, что я успел лечь за бугорок. Правда, если бы не каска, неизвестно чем бы ещё кончилось. Она защитила голову от рикошета, но не избавила от удара, который давил мне на темечко, как будто плавил на жаровне мои мозги. Я потерял сознание. Очнулся в траншее, посмотрел наверх и увидел свисающую голову твоего отца. Сердце зашлось, словно его сдавили тисками. Земля была холодная и сырая. Мне стало страшно за Машу и тебя Виктор. – «Кто командир? Кто комиссар?» – услышал я сквозь дрожание земли чей-то зычный голос, затем глухие пистолетные выстрелы. Поднял голову, кругом стояла звенящая тишина, даже резало уши. Я понял, что бой уже кончился, присмирел, как будто ничего и не было. Попытался повернуться на бок и не мог, оказалось, что ранен в спину.

На поле, где только что всё грохотало, гремело, рассеивался едкий дым. Пыль медленно опускалась на землю, а кругом лежали в разных позах солдаты и офицеры нашего полка. – «Куда же вы?» – вспомнил я взволнованный крик солдата. – «Здесь каждый сантиметр пристрелян. Погибните» – Нет, я этого солдата не видел. Он сидел в щели, а вот голос его запомнил. И он резанул мне по сердцу. Сначала онемели пальцы рук, потом ноги, когда я почувствовал себя на суде совести, ведь я тоже был зато, чтобы сразу идти в бой. А голос всё возвышался и возвышался. Было такое ощущение, что он заполонил весь мир. Вот-вот лопнут ушные перепонки, и этот голос ворвётся в мою голову и начнёт гулять по ней. Я попытался заткнуть пальцами уши, старался не пускать его внутрь себя, но он ещё будто бы крепче впивался, зажатый с двух сторон, и уже не было сил от него освободиться. – «Куда же вы? Погибните!» – «Где командир?» – резанул слух опять этот надоедливый голос.

Кочин и Забегалов, поняв наконец-то, что это ищут их, вышли из блиндажа. Они были оба белые будто сама смерть. Офицер из отдела «СМЕРШ» увидел на бруствере лужу крови, поперхнулся, выхватил их кобуры пистолет. Глаза его горели огнём возмездия. Он внимательно посмотрел на поле боя и, ужаснувшись увиденным, выстрелил в грудь командиру полка, а затем и комиссару. – «Мишка Уваров, медленно оседая на землю, выдавил из себя Кочин. Вот так встреча». – «Петька, ты!? А вот это твой друг Забегалов». – простонал подполковник, бросившись к Петру Кочину. Он узнал своего односельчанина, с которым не один пуд соли съели и спросил: «Зачем же вы это сделали?» – «Я хотел победы над ненавистным врагом» –

ответил Кочин. – «Каким путём?» – «Неважно». – «Эх вы сволочи, сколько людей загубили. Воевать надо тоже с головой», – Но Кочин уже молчал. Он был мёртв. Твой дядька ещё немного постоял и пошёл, забыв спрятать пистолет в кобуру. Понимаешь, Виктор, меня трясло. Случилось что-то непоправимое. Можно ли понять нашим куцым умишком. Люди с одного села, считай друзья, и такое.

Я видел, как он, шатаясь и прихрамывая, пошёл в сторону от наших блиндажей. Мне показалось, что он в эти минуты очень состарился.

– Михаил, – шептал я спёкшимися губами, но он, погружённый в свои мысли, не услышал меня.

Я осмотрелся. Пуля вошла твоему отцу прямо в затылок, когда он меня раненого волок в блиндаж. А ведь осталось перевалить через бруствер и окоп. Видимо, снайпер стукнул его из укрытия. Не встретится теперь Иван с Машей, останется она недолюбленной, – взвыл я тогда сердцем, – не покачает на своих жилистых руках сынка Витьку. Скоро его зароят прямо в окопе, может быть, прямо с командирами рот и взводов. И за что погиб человек? Конечно, действия командира и комиссара не обсуждают, только, если я буду жив, как я расскажу всё это увиденное в Елизаровке. Ни за что, не поверят. Да и как это всё переварить. Все деревенские, русские люди и вот...

Сколько пролежал так времени, не знаю. Временами в моей голове гремел гневный голос Михаила Уварова, обращённый к командиру и комиссару: – «Врагу помогаете вражки прихвостни, почему загубили полк?» – И глухие выстрелы в упор: тук, тук, тук, потрясшие моё сознание, будто и я был виноват в этой трагедии, ведь из-за меня погиб Иван Уваров. А разве бы я оставил его в беде? Да никогда! Потом как бы я смотрел в глаза людям. Зачем уж об этом говорить и думать, здесь я не виноват и он тоже. Если буду жив, решил я, обязательно женюсь на Маше, Витюшка будет мне сыном, но как видишь, обет, данный твоему мёртвому отцу, я не выполнил, каюсь, влюбился. Но это, конечно, не оправдание, да и мать твоя отвергла меня.

А пока лёжа в окопе, я умирал. Наложённый Иваном жгут на рану, о которой я сам и не знал, так как был контужен, промок. Кровь, просачиваясь через бинт, текла на землю. Я был в каком-то тумане, но помощи пока не было. Медсёстры не успевали бинтовать раненых. Ты знаешь, Виктор, как нелепо было умереть от потери крови у себя в окопе, когда вышел живым из такого пекла, потеряв при этом друга. Рана, как мне показалось, не так уж и опасна, но кровь остановить не удалось. И я смотрел на людей в белых халатах, что они вот-вот придут. С каждой минутой я угасал, но надежды на спасение не терял. – «Настя, бинты, – услышал я голос женщины, потом ощутил прикосновение рук к ране и окончательно потерял сознание, а очнулся уже в каком-то полуподвале, Кругом стоял полумрак, только вдалеке над ярко освещённым столом склонились врачи. То тут, то там бредили раненые бойцы. – Госпиталь, – подумал я, чувствуя, как прибавляются силы, как восстанавливается прерывистое дыхание, сходит температура. – «Очнулся родненький, – сказала молоденькая медсестра, прикоснувшись прохладной рукой к моему лбу. – Я уж думала, что ты нежилец, слишком худ был от потери крови. Всё бредил, звал какого-то Уварова». – И она грустно улыбнулась, показав ряд белых ровных зубов. Я не ответил, вспомнив Уварова, неравный бой и гибель друга, отвернулся от медсестры. – «Лежи, миленький, лежи», – проворковала она. И я понял, что она поджала пухлые губки и отошла. Мне стало нехорошо за свою невнимательность к этой юной девушке, скромной и незащищённой. Ей лет восемнадцать, зачем я так? Ей ведь тоже нелегко. Жила бы у отца с матерью под крылом, а тут война, кровь, стоны, непосильная работа. Разве это девичье дело? Не надо её отталкивать решил я, всё же как-то лучше, если рядом человек, видишь глаза, руки, лицо, знаешь, что она здорова, и в любую минуту придет тебе на помощь.

Виктор, так оно и было. Она успевала везде: то свалится одеяло, подправит, то попить, поесть принесёт, а если человеку плохо, успокоит, прикоснётся нежными ручками и тяжесть как будто спадает. Да при её присутствии и стонать-то как-то неудобно. Она, как бы приклеи-

вала язык к нёбу своими широко открытыми голубыми глазами. И всем нам хотелось выглядеть бодрым и весёлым, хотя порой и тяжело было, но крепишься изо всех сил, чтобы не показать свою слабость. Её нежный голосочек, приглушённый до мягкой тональности звенит то в одном конце подвала, то в другом. Казалось, девушка не знала усталости и появлялась по первому зову. Её русые длинные волосы, свёрнутые на голове тугим кольцом, высоко приподнимали белую косынку. Я даже не заметил, как эта медсестра вошла в мою жизнь, ждал её, как праздника, волнуясь и краснея. Кровь подступала к лицу, а язык становился ватным. – «Ваня, как дела? – говорила она напевно. – О, да ты молодец, скоро тебя выпишут». – И краснела, стыдливо отведя лицо в сторону.

– Настенька, – шептал я прерывисто, брал её маленькую ручку в свою мозолистую и замолкал, не в силах произнести хоть слово, знал что скоро предстоит расставание, а без неё я уже не мыслил своей жизни. Но когда наступало протрезвление, вспоминал клятву, тушевался, чувствовал, как по лицу пробегала окаменелая судорога, превратив мои мужские черты в сгусток жестокости и бессердечья. И тогда Насте становилось страшно. Женским чутьём она понимала, что меня что-то гнетёт, но что, она не знала. На вопросы, заданные как будто незначай, уходил пустым ответом, вроде того, а бывает, что на это обращать внимание. Но она-то видела, что я и сам страдал. Ей хотелось одного – правды, какой бы она не была, но я молчал. А время шло. Я с каждым днём креп, только вот на лице была постоянная озабоченность, делая меня по отношению к ней чужим. Вскоре я стал подниматься и выходить на свежий воздух. Он будоражил во мне кровь. Прислушиваясь, к грохоту на улице, мне казалось, что вокруг нас везде идёт бой. Даже сюда долетали пули и осколки, но здесь было сравнительно спокойно, хотя подвал содрогался от взрывов, но жить было можно, а к остальному привыкаешь. Настя, боясь за мою жизнь и здоровье, выходила вместе со мной на улицу. Она строго следила, чтобы я не выглянул выше земного вала, где тянулись ходы сообщения с боевыми позициями. Мне было и радостно от такой опеки и больно, смотрел вокруг, слушал шум боя и хмурился. – «Калинкина, – звал уставший хирург, – опять ушла! Больные ждут!» Настя убежала, оставив после себя стойкий запах больницы и неясное чувство возвышенности и одухотворённости. Я уже знал всё: где живёт, кто её родные, получает ли она от них письма. Конечно, и я не оставался в долгу, выложил всё как на духу кроме своей тайны, которая связывала меня по рукам и ногам. Я видел тебя совсем маленького, требующего к себе особого внимания и заботы, и Машу, убитую горём. И у меня язык не поворачивался ответить однозначно – люблю. Было такое чувство, что я обворовываю себя и её, но поделаться с собой ничего не смог, просто не хватало мужества. Ожидая от меня ответа на свой порыв души и сердца, она страдала. И это было написано на её лице. Да она и скрывать от меня ничего не хотела. Война – любить можно урывками. И она хотела любви. А я никак не мог сказать ей это заветное слово, оставив её на страдание. У неё постепенно возникло подозрение, уж не женат ли я? Может быть, имею девушку, которая ждёт меня, может и дети уже есть. Девушка не могла быть в таком неведении, извелась, похудела. Когда меня выписали из госпиталя, она вышла со мной, прижала меня за дверь и крикнула: «Ванька, у тебя есть кто: жена, дети, девушка?»

– Ты что, Настенька! Холост я, – ответил я ей.

От своих же слов я покраснел, сжался, словно выдал что-то недостойное человека. Настя отстранилась от меня, почувствовав фальшь в моих словах, и заплакала. Я обнял её за вздрагивающие плечи, повернул к себе, поцеловал в мокрые от слёз глаза. Она, всхлипывая, успокоилась и, поправив сбившуюся шаль, улыбнулась.

– Я тебе напишу всё, – прошептал я. – Точно я не занят. Я люблю тебя, но у меня клятва, данная моему другу Уварову.

Девушка хотела спросить, мол, что у тебя за клятва такая, но я отстранил её от себя, улыбнулся и зашагал прочь, оставив её в неведении и ещё больше напустив туману. Вскоре немцы нас так прижали, что дай Бог ноги улепётывать. Правда, газеты о нас писали, как

о героях, но мы оставляли свою землю, а с ней и людей на поругание врагу. Ох, как стыдно было смотреть в глаза людям. Мы здоровые с оружием в руках уходим. Подошла молодая женщина с малым ребёнком на руках, спросила у меня: дескать, хлипковаты вы ребята оказались. Подико, и в штанах мокро. Около Тулы завязался бой. Немцы на нас ходили в атаку несколько раз. Я был ранен очень тяжело. Очнулся в госпитале. И опять возле меня стояла Настя. Везение видно. Она мне сообщила что операция длилась в течении пяти часов и я нахожусь в Москве. Здоровье моё восстанавливалось очень плохо, и врачи решили отправить меня домой для дальнейшего лечения. Настя попросилась быть сопровождающей потому что добраться до дому я один не смог. Мне было стыдно своей беспомощности. Я бледнел, но охваченный силой любви, молчал. В госпитале раненых было очень много, и Насте не часто приходилось бывать около меня. А мне хотелось, чтобы она всегда была рядышком и смотрела на меня своими синими глазами. Я почувствовал, что предаю друга, видел тебя, Машу и изнутри поднималась горечь на свою уступчивость, где расширялась, расплзалась ноющая боль. Руками мям грудь, но успокоения не было, наоборот ещё острее чувствовал своё ничтожество. И жизнь, как мне казалось, была совершенно ненужной. Я мысленно уносился в тот бой и ругал судьбу, зачем она так поступила. Уваров убит, у него жена и сын, а я Иван Денисов, хотя у меня нет ни сына, ни жены жив и это несправедливо. И сейчас нахожусь как бы между двух полюсов: один греет, другой охлаждает. Из забытья меня вывел голос Насти:

– Ваня, город Грязновец

Я открыл глаза, посмотрел на станцию, кругом лежал снег, и было, как мне показалось очень холодно. Давно ли уезжали отсюда, а сколько событий уже свершилось. У меня захолоуло сердце, станция была всё та же, только, как бы невзначай в ней сквозила какая-то опустошённость. Война оставила свои отметины и здесь. Люди были молчаливые и тихие. Опираясь на плечо девушки, я вышел из вагона, посмотрел на привокзальный парк, где каркала серая ворона, нахохлившись от сильного мороза, задумался.

– Ничего, Ваня, домой приедешь, подлечишься, окрепнешь, ты же молодой, а там видно будет, возьмут тебя на фронт или нет, – вздохнула Настя, – мне же через неделю быть в госпитале.

И она, отвернувшись от встречного ветра, пустила слезу:

– Ванька, окаянный мучитель, зачем терзаешь душу? Я любить хочу, и быть любимой. Мне уже восемнадцать лет. Я ещё никого не любила.

Я не знал, что ей ответить, как утешить, и ненароком сболтнул не то, что требовалось:

– Настенька, не вечно же будет идти эта проклятая богом и людьми война. Должна же она когда-то кончиться. Ну, тяжело, могут убить, но кто-то должен с поля боя раненых выносить и лечить их.

– Эх, Ваня, Ваня, зачем ты мне внушаешь такие простые истины. Неужели я не люблю своей Родины.

Я ступешался. Северный ветер, налетая на нас, поднял с земли снежную пыль, завыл в оторванной железке на крыше вокзала.

– Ещё не хватало простыть на этом ветру, – сказала Настя и потащила меня в помещение.

В вокзале было холодно, но зато не было ветра. Разговор не клеился, и мне не хотелось ничего говорить. Где-то через час приехала машина, и мы с Настей, хотя и было очень тесно, поместились в кабине. Уставший шофер преклонного возраста, посмотрел на нас молча, потом спросил:

– Домой на лечение? Как там?

– Тяжко, отец, – ответил я, – пока перемелешь всю фашистскую нечисть сколько людей потеряешь.

День клонился к вечеру, и в избах деревень уже кое-где зажглись огни. Держа в руках руль разбитого ЗИСа, водитель всматривался в снежную круговерть. Машина шла медленно, фыркающая и дымящая, словно в её утробе всё уже сошло на нет.

– Ваня, кто это? – крикнула Настя, увидев впереди машины тёмные тени и мелькающие зелёные огоньки.

– Волки, – выдавил из себя шофер. – Их теперь развелось пропасть, со всей считай земли русской сбежались, собак в деревнях пожрали, до скота добрались.

Он остановил машину, приглушил мотор. И сразу со всех сторон послышался волчий вой. Настя прижалась ко мне, мелко вздрагивая от страха.

– Сейчас я их немного попугаю. Надоели басурманы, – сказал шофер, поднимаясь с сиденья.

Он снял со специальных крючков винтовку, передёрнул затвор, долго целился по огонькам, потом выстрелил. Вой на какое-то мгновение стих, затем снова послышался только уже подальше и в лесу.

– Если попал, разорвут своего товарища, у них такой уж звериный закон. Шкуры жалко, попортят всю. Завтра днём проверю. Сейчас нельзя, напасть могут. Их здесь несколько стай, да и голодные не перед чем не остановятся, – вздохнул шофер, брякнув винтовкой и, включив скорость, тихо тронулся дальше.

Мимо проплывали кусты, перелески, поля. Машина с большим трудом пробиралась по снегу. Шофер не ругался, вёл машину хладнокровно и осторожно. Ему сейчас было не до чего, чуть прозевал и кукуй. Я устал и уснул прямо на плече у девушки под мерный шум мотора.

– Ваня, вставай, – услышал я голос Насти, – Елизаровка. Где твой дом?

Я осмотрелся вокруг и, узнав место, сказал:

– Вон огонёк светится.

Шофер подъехал, выключил мотор, открыл дверцу. В деревне стояла мёртвая тишина: ни стука, ни скрипа, будто все люди вымерли среди зимнего пространства льда и снега, только ветерок налетал, шумя в скрученных ветвях деревьев, да снег скрипел под ногами, вышедших из машины людей.

«Как страшно», – подумала Настя вслух.

И вторя ей, в моём доме открылась дверь, и на пороге избы, появилась в старенькой кофтенке неизвестно какого цвета мама. Я крикнул ей. Эхо улетело далеко, далеко за деревню, разбудив на какое-то время галок и ворон. Они с карканьем снова встрепенулись и снова успокоились. А эхо ширилось и росло над деревней, перекатываясь волнами. Но это уже кричали люди, выходя из тёплых домов, направляясь к нашему дому. Ночь длинна, и выспаться можно, главное узнать новости с фронта.

– Ваня, сынок, ты ли это? – вскрикнула мама и зашаталась.

Мы обнялись, да так и застыли на несколько минут, медленно приходя в себя от встречи, а потом мама затараторила радостно и счастливо.

– Последнее время сердце ноет и ноет, а чего и сама не знаю, да и кот старался, замывая гостей лапой.

– Кха, кха, – раздался в тишине голос шофера, – мать застынешь, такая холодина.

Он уже слил воду с радиатора и теперь ждал, когда же его пригласят в дом. Шофер устал, почти сутки сидел за баранкой. Молодой и то не выдержит такой нагрузки, а тут дед. Ему хотелось растянуться всё равно где: на печке, лавке и даже на полу, лишь бы отдохнуть от давящей тяжести во всём теле. Конечно, печка лучше, но куда уж определит хозяйка. Спина ноет и ничего уже не чувствует.

Мама оттолкнула меня от себя, посмотрела, обняла всех по очереди и пригласила в дом. В избе пахло щами, берёзовым веником, видно она недавно мылась в печке, грибами и ещё чем-

то тонким едва уловимым. Старик только коснулся лавки, прижался спиной к печке и тут же уснул. Мама помогла ему раздеться и, шепча на ухо, потащила его к тёплой печке со словами:

– Отдохни, отец, наверное, устал, продрог до костей. Печь тёплая, тебе там будет хорошо.

Он улыбнулся одними губами, как бы говоря: ничего, ничего, не волнуйтесь. Печка – это хорошо, спасибо. Ему помогли забраться, и вот уже через несколько минут по всей избе раздался здоровый храп уставшего человека

– Умаялся-то как, – вздохнула мама, – ну, спи, спи сердешный.

И пошла готовить праздничный обед, извлекла из тайника булку водки ещё довоенную, поставила на стол, налила холодных постных щей, вытащила из печки горячую картошку, и загрела самовар. Я и Настя раскрыли походные мешки, вытащили: консервы и хлеб. Смущаясь, Настя поставила на стол бутылочку со спиртом и пошла на кухню помогать хозяйке.

– Не беспокойся, Настенька, я ещё не так стара, управлюсь и сама, а ты отдыхай, устала, наверное, – сказала мама.

Но Настя не ушла, она только улыбнулась:

– Вдвоём-то быстрее, тетя Даша.

Видно было, что им вдвоём очень хорошо, как-то по-особому тепло. Между ними прошла искра взаимопонимания. Материнским сердцем мама поняла тогда, что Настя меня любит. Я видел, как на какой-то миг маму охватило чувство ревности: мол, кто она эта молодая медичка и стоит ли она моего сына. Может быть, она какая-нибудь оторви да брось. Она стала внимательно приглядываться к Насте. Та поняла её взгляд и, краснея, с вызовом, одним махом выпалила:

– Я люблю твоего сына, люблю, понимаете.

Мама опешила от такого всплеска. У неё вырвалось то, чего она потом очень долго жалела, дескать, ах, девонька, как тебя припекло. Война – вот в чём причина. Мать не понимала, как свои чувства девушка не может скрыть от матери сына. Я бы так ни за что в любви не призналась первая. Ну, и времечко, бурное, клокочущее, все спешат жить, любить, хотя смерть повисла почти над каждым, а им что – знай любить. Не думают, что кто-то из них может погибнуть. Видимо, на то она и жизнь.

На улице ещё только забрезжил рассвет, а уж к моему дому стали сходитьсь люди. И у всех на устах один вопрос: как на этой проклятущей войне, и скоро ли она кончится. А что я мог сказать рядовой Иван Денисов? Не за охами же и вздохами, считай пришла вся деревня: и стар и мал. Как-то надо их всех успокоить и вселить надежду на победу, но как это сделать я и сам не знал. И каким-то седьмым чувством я понял, что нужна правда и только правда.

– Тяжело там на фронте, – начал я, – прёт и прёт вражина, как будто им числа нет. И когда всю эту свору перемелешь, ума не приложу, но ничего наши уже крепко встали, не сдвинешь. Сейчас вообще необходимо накапливать силы, чтобы потом как вдарить!

Николай Александрович Куприянов, председатель колхоза, улыбнулся. Он-то понял, что я говорю устами комиссаров, но всё же это была хоть какая-то надежда. Сам он побывал на империалистической, а потом уж и на гражданской. Для этой войны по старости лет и болезни был негоден. За его на фронте воевали три сына и дочь. Старший сын уже погиб под Смоленском. Теперь он переживал за остальных, боялся пропустить хоть одно слово из моих уст. Когда я закончил говорить, Куприянов обвёл всех строгим взглядом, сказал:

– Если наши остановились и не бегут, жди хороших вестей. Скоро фашисты почувствуют силу нашего оружия и силу нашего духа. Ох, и вдарят же им. Ничего, бабоньки, не вешайте только носа. Сейчас от нас зависит, крепок тыл, солдат воюет.

В избе резко распахнулась дверь. И я, ещё не узнав, кто вошёл, почувствовал, что это пришла твоя мать. Я сразу вспомнил о клятве данной другу Ивану, смутился. А она, забыв поздороваться, долго смотрела на меня, видно слова застряли в горле. И я, не выдержав её взгляда, залопотал:

– Погиб твой Иван, меня спасая.

Маша зашаталась, и не поддержи её, рухнула бы прямо на пол. Её подхватили под руки и усадили на лавку. Когда она получила похоронку на мужа, не плакала, толи захлестнувшая боль, толи неверье, помешали ей. Услышав же из уст очевидца и друга слова о гибели её мужа, душа у неё всколыхнулась и затрепетала. Она билась головой о стену избы и надрывно выла. Я не знал, как утешить, убитую горем женщину, хотел ей сказать о клятве, но понял, что не к месту и, бормоча невнятные слова, толкался около. Настя не слышала, что я говорил, но разве дело в словах, просто любящим сердцем она поняла ситуацию и из глаз её потекли обильные слезы. Находиться в избе ей было невозможно, и чтобы не разрыдаться в голос, накинула на плечи шинель и вышла на мороз.

В деревне стояла тишина. Из труб не валил дым, весь народ был у меня, интересовался событиями на фронте, оплакивал погибших. Сейчас это была одна семья, дружная и сплочённая в горе и нужде, где радость и боль одна. Деревня испокон веку, где каждый знал друг о друге всё, порой любил и враждовал, но это было как бы в порядке вещей. Сейчас же общий враг – германский фашизм встал костью поперёк горла всем, и во имя общей борьбы было сплочение всего народа. Правда, по карте Германия не столь уж и велика, но аппетиты её огромны, считай всю Европу проглотила, страх навела на Азию и Африку, и только Советский союз сдерживает обезумевшего от крови и злобы врага. Честь тебе и слава моя Родина.

Я смотрел на улицу, где трещал мороз и искрились на солнце снежинки. Прямо перед моим взором стояли две берёзы, покрытые снегом. Под грузом снега ветки почти нагибались до самой земли. И стоило только пробежать лёгкому ветерку, как снег сыпался, искрясь и сверкая на солнце, и тогда берёзы свободно дышали, расправив, как бы свои плечи. Я видел, как Настя подошла к берёзам, провела тёплой рукой по шершавой коре, видно ощутив жгучий холод, отдёргнула её. Каким-то задним чувством я понял, что её растревоженное сердце забилося от боли и страдания. Ей захотелось броситься в снег, зарыться в него и больше не слышать и не видеть ничего. Взмахнув руками будто птица, она нырнула в его пушистую ещё никем нетронутую свежесть, почувствовала как по лицу и рукам потекла вода, но подниматься ей уже не хотелось. Напуганный отсутствием Насти, и оправившись от какого-то шока, я выскочил на улицу и, увидев следы девушки в огороде, направился туда. Настя лежала в снегу. По лицу текли тонкие струйки воды, но девушка их уже не замечала. Представь себе, Виктор, как я испугался, попытался поднять её и не мог, от напряжения ударило в поясницу, потом заболели швы на ранах. От боли я вскрикнул. Выскочила моя мама и запричитала:

– Ваня, что с тобой? Доченька, ты чего валяешься в снегу? Пошли, пошли домой, простынешь.

Она, конечно, слышала голос мамы, но как потом сказала: мол, как-то, как будто из подземелья. До неё уже не доходил смысл сказанного, просто уши слышали, а нервная система не реагировала на позывные. Мама подняла девушку и потащила в избу. Настя очнулась и вздохнула:

– Не надо, я сама.

Она прошла в дом и села на скамейку. Мама сдёргнула с неё сапоги, шинель, растёрла на всякий случай лицо, ноги и уложила в кровать. И Настя вскоре заснула крепким безмятежным сном. Я подошёл к твоей матери с твёрдым намерением объяснить и рассказать о своей клятве, данной другу Ивану, но она не приняла мой благородный порыв, сказав тихо, но уверенно:

– Ваня, я испытала своё счастье, любила и была любимой. Не оскверняй свои чувства, ведь ты, наверное, любишь эту девушку, а она тебя. Разве ты не видишь, как она переживает. Иди, иди, утешь её.

Вот оно как получается в настоящей то жизни. Руки сама мне развязала. Эх, Маша, Маша. Ну, прости меня друг Иван, я тут не причём, хотел как лучше. Я отошёл от твоей матери,

вздыхнул, налил полстакана спирту, опрокинул его в рот, запил водой и закурил. И снова увидел и услышал тот злополучный бой, который до сих пор не выходил из головы. Вот бежит комиссар Кочин впереди полка с пистолетом, кругом грохот пулемётов, вой и взрывы мин, потом сильный удар по каске, и всё помутилось. Очнулся на спине твоего отца, простонал и опять потерял сознание, а когда пришёл в себя, Иван меня заталкивал в окоп. И тут эта пуля, прилетевшая с вражеской стороны, и мой друг ткнулся в бруствер окопа.

– О горе мне, – прошептал я тогда, ощущая липкий холодок в груди, – я холостой, а Иван женат. У него сын Витюшка. Какая несправедливость!

Я открыл глаза. В избе так же было много народу, ощутил в груди боль и жгучую давящую тяжесть. В соседней комнате, проснувшись, тоненько всхлипывала Настя, а рядом жена погибшего друга, которому я обязан жизнью. Я не знал, что со мной происходит, такое состояние души у меня было впервые. Придерживаясь за косяки, вышел на улицу. Мороз сразу перехватил дыхание. Я закашлялся. И, ощутив чужую руку на своём плече, поднял глаза. Передо мной, как я и ожидал, стояла жена Петра Кочина Галина. Она внимательно смотрела на меня и молчала, боясь услышать то, что уже знала. По её пронзительному взгляду я понял, что она спрашивает, дескать, Ваня, правда ли что мой муж шпион, и за это расстрелян?

Под её взглядом я съёжился, как будто меня ожгли плетью и ничего ей не ответил. Это было сверх моих сил, как будто я сам его расстрелял. И снова я вспомнил тот день наступления, комиссара Кочина, командира полка Григория Забегалова, Михаила Уварова в форме подполковника особого отдела СМЕРШ и друга Ивана. Что я мог сказать ей, какую дать оценку действиям этих людей, да и мог ли я вообще о чём-то рассуждать. Просто на душе была тяжесть и обида, Иван Уваров убит, Кочин и Забегалов расстреляны за измену Родине, а сам я ранен и очень серьёзно, оклемаюсь ли?

– Пора спать. Отец, спасибо за рассказ, – сказал Виктор и поднялся со скамейки.

В деревне прокричал петух, ему отозвались ещё несколько и по очереди, как будто проверяя, а чей же самый мощный и красивый голос. Волны бились в берег, обдавая брызгами сидящих. Виктор поднялся за ним встал и тень.

Глава 4

Ветер бился в окно, стучал ставнями и нудно завывал в печной трубе. А из-под горы доносился мощный говор реки. Об угол дома ветками тёрлась столетняя берёза. Её в своей молодости посадил дед Григорий. И она вымахала на удивление всем: высокая и стройная. Это была память. И берёзу берегли, хотя порой и хотелось спилить её на дрова, да и мешала она, когда по деревне гулял ветер. А она, как бы напоминала деда, и это было что-то своё родное, которое с годами не уходило не растрчивалось, а было всегда в целостности и сохранности.

Сейчас Мария Ивановна, мать Виктора после этого трудного разговора за столом долго не могла уснуть. Её тревожило одно, а как там в городе-то будет? Ведь Виктор сугубо деревенский мужик, может рубить с плеча, а это многим не по нраву, особенно Игорю Кочину к которому он хочет ехать, да и сердце материнское не обманешь – не будет у них настоящей дружбы. Ох, не будет, не те характеры. Что их сблизило в деревне – трудно понять. Да и вообще почти невозможно. Уж не затаил ли Игорь злобу из-за того что произошло на фронте. А ведь всё может быть.

Мария Ивановна видела из своего окна всю деревню. Точно, почти до минут знала кто во сколько ложится спать. Вот погас и последний огонёк у Лизы Стригунковой. Мария Ивановна постаралась закрыть глаза, но тщетно. Сон оставил её. Она обвела взглядом избу. На печи посапывали внуки: Ванька и Мишка, а в другой комнате всхрапнул сын Виктор с присвистом, и проснулась сноха Маринка. Всё как обычно, но Мария Ивановна чувствовала, что уже что-то сдвинулось, сошло со своих осей и так продолжаться больше не может, а значит, не может быть и той жизни, которая существовала до сегодняшнего дня. Ей стало грустно и до слёз больно терять устоявшуюся жизнь. Она вспомнила тот день, избитого и лежащего в канаве Ивана Уварова и голос матери, визгливый и страшный: «Шлюха, бесстыдница. Глико весь народ собрался к нашей избе. Да где это видано, чтобы девушка тащила в дом хахаля. Батько, выдери ей волосё-то. Опозорила, опозорила – поганка. Грех-то какой, грех-то». Потом она увидела, как из другой комнаты тяжелой, грузноватой походкой вышел слегка хмельной отец, посмотрел на жену и дочь и глухо рыкнул: «Цыц, мать! Не верещи, не пугай людей – это Ванька Уваров. Эх, как они его сволочи разделали».

Маша видела, как её отец подошёл к Ивану и бережно затащил на лавку, повернулся к дочке и сказал: «Неси воды обмыть лицо надо. Ничего не видать, всё в крови. – И с улыбкой, ткнув пальцем Машу в нос, подытожил: «Подишь любишь, курногая. Где и силы взяла притащить такого дядю. Надо бы выдрать тебя ремнём за непослушание, да уж где там – взрослая уже, видно придётся скоро свадьбу играть. – И к матери: – Будто сама никогда не любила. – И тут своим острым взглядом впился ей в глаза Пётр Кочин: «Маша, что ты делаешь? Я люблю тебя. Ну, скажи хоть что-нибудь».

Его карие выразительные глаза горели огнём любви и страсти. Он еле сдерживался, чтобы не заплакать. И вот к сельсовету выкатывают три машины. Иван бережно несёт её на руках и нежно целует в губы. Затем рассеивается на дороге пыль, и уже нет её Ивана. А потом она увидела свой тяжкий труд, и ощущение постоянного голода, смерть свекрови, которая не пережила смерти сыновей. Сдало материнское сердце. Потом умерли отец и мать. И вот она одна с сыном на руках. А пришедшие с фронта солдаты, звали её в жены, но она говорила: дескать, не могу предать Ивана, не могу. Он умер, защищая нас и Родину. Как я могу сделать такой поступок, ну как? Да мой Иван перевернётся там.

Потом она увидела годы, похожие один на один, как близнецы, и только сын Витька украшал её жизнь. Она радовалась, что сын рос, сильным и смышленным парнем, и в деревне завидовали ей. Он окончил институт и женился на Маринке Денисовой. У него появился первый сын Мишка, затем и второй Иван. Игорь Кочин при этом сказал:

– Зачем повторять то, что уже было? Да и имена какие-то древние. То ли дело Стасик или Славик. Блеск, а не имена. Если у меня будет сын, я найду для него оригинальное имя.

А сам глаза отводит в сторону Маринки. Вот также было и Петром Кочиним – отцом Игоря. Что это родственная наследственность? И какая тут связь между сыном и отцом? И почему в такой последовательности передались чувства от отца к сыну? Но они, как-никак вроде бы друзья. К тому же Виктор помогал Игорю учиться. Ну, да ладно, пусть съездит к нему «Бог не обидит, чёрт не съест».

Мария Ивановна лежала на кровати и думала о судьбе сына и внуков. Галина, мать Игоря хвалит не нахвалится его. Писем же когда его долго нет, она не получает. Где правда? Она выглянула в тёмное окно и не увидела ничего.

– Какая-то жуть и холод, – прошептала она, облизывая сухие губы.

За стеной повернулся с боку на бок Виктор, скрипнув койкой. А на дворе прокричал петух.

– Полночь, – очнулась Мария Ивановна, – пора уже спать.

В углу за обоями заскрежетали мыши. Кошка с печки прыгнула на стенку и, сорвавшись, с мяуканьем упала на пол. Мыши утихли, а кошка никак не могла успокоиться. Слышно было, как она снова прыгнула на печку, и оттуда было слышно, как она шипит, сверкая в темноте зелёными глазами.

– Успокойся, Мурка, – шептала Мария Ивановна, – в следующий раз не промахнёшься. Разве можно прыгать на стенку?

Она повернулась на правый бок и только положила голову на подушку, как провалилась в беспокойный сон. И сейчас всё виденное днём возвратилось ей снова. Она поднимала голову, смотрела на будильник, который недавно из райцентра привёз Виктор, вздыхала. Но облегчения не было. «Что же я делаю, – думала она, – я своими руками отталкиваю от себя: сына, сноху, внуков. Как-то на новом месте им будет. Здесь всё родное, близкое, а там? Ну не дурра ли я набитая. Где они будут черпать крепость? Уехали другие, что из этого? Позади, да в том же стаде». Она ещё, наверное, долго бы приговаривала, да поднялся Виктор, подошёл к ней, положил руку на лоб и спросил:

– Мама, ты не заболела?

Мария Ивановна не ответила. Ей было лестно, что сын проснулся и спросил у неё. «Спит, – подумал он, – а я уж думал, здорова ли?».

Мать повернулась на спину, имитируя сон, заговорила, как бы спросонья, но так чтобы было не понять слов. Виктор лёг снова в кровать. Она слышала, как он повёл носом и затих.

– Иван, помоги, – шептали её губы, обращаясь к погибшему мужу, – научи, как жить. Невезуха у нашего с тобой сына на работе, да мы ещё на него давим.

Она пыталась вызвать образ любимого ей человека, а он ускользал, растекался перед глазами. Было такое ощущение, что на земле всё беспокойно и зыбко. Ей показалось, что даже изба куда-то проваливается. Её трясёт и лихорадит.

После нескольких таких попыток вызвать любимого ей человека и поговорить с ним, она поняла, что уже ничего не вернуть, и Виктор весной едет в город, пока правда на разведку, но уже решено. Она давно готовилась к этому, зная, что рано или поздно придёт время, ведь все его знакомые и родные там в городе. И к чему так сильно переживать, но мать есть мать и у неё болит сердце за судьбу своих близких. К тому же председатель совхоза Голубев Владимир Степанович третирует парня: мол, почему-то у всех есть урожай, а у нас? Чем выше начальство, тем больше им надо. Нервы же, конечно, у него не стальные, явное дело, взрывается. А как же иначе – живой человек. Долго ли до беды. Здоровье-то потом, ни за какие деньги не купишь. Она видела прогуливавшего по городу сына, сноху, внуков. На миг показалось, что в городе они чужеродные. И ей до слёз стало обидно. Потом сон взял своё.

Мария Ивановна проснулась поздно. Она с тревогой подумала, что опоздала подоить корову, дать корм поросёнку и курам. Она подняла голову и увидела на стороне сына свет. Молодые уже поднялись. Сноха, одевшись в грязную фуфайку, пошла на двор. Виктор услышал, как заворочалась мать, спросил:

– Мама, ты вчера что-то бредила. Тебе нездоровится?

– Нет, сынок, всё нормально, спалось что-то худо, – ответила она и стала подниматься.

– А я думал. – Он недоговорил, посмотрел на неё долгим взглядом и промолчал, поняв, какая мысль гнетёт мать.

Маринки не было. Она гремела на дворе ведрами, разговаривала с коровой и поросёнком.

– К Кочину едешь? – раздался приглушённый голос матери. Она немного помолчала, наморщив нос, и покачала головой.

Виктор, посмотрев на мать, подумал: «А хороша она всё же и в старости, а какова была в молодости?..»

– А что мама? Пока думаю съездить к нему, – ответил он.

– Ведь он твою Маринку-то любит.

– Так что из этого, мама. Любил и его отец тебя. Я думаю на первых порах можно и к нему.

Она не ответила, схватившись за сердце, смотрела на сына. Она хотела сказать, мол. Не надо бы к нему-то. Я боюсь его.

Сын, заметив волнение матери, подошёл к ней и сказал:

– Мама, не волнуйся, всё будет хорошо. Если что, не пропадём и без него.

Но Мария Ивановна видела, ведь сыну тоже нелегко, дал согласие, куда теперь от него денешься.

– Ну ладно, сынок, пока не будем загадывать, что и как. Весной всё решиться, – вздохнула она и начала подниматься.

Глава 5

Вот и прошла скучная и надоедливая зима. В воздухе запахло весной. Скоро появятся грачи. И Виктор решил съездить к Кочину. «Рубить так надо сразу, – подумал он. – Год два и три тянешь, а зачем? Всё равно придётся ехать в город, здесь уже не протык, дышать стало нечем». Он смотрел на потолок, где руками его предков была нанесена в одном из углов надпись года рождения этого дома. Фамилия и имя деда его положение в обществе. И тихо нагринула грусть. Какая-то смутная тяжесть камнем легла на сердце. Было не понять что это такое, предчувствие беды или ещё что. Он подошёл к святому углу, где были иконы, перекрестился. Лампады мерно освещали лики святых. Виктор умылся, попил чаю и вышел.

Переполненный автобус, пробираясь по разбитой дороге, часто вздрагивал, скрипел и визжал. В окно светило весеннее солнце, а с иголок сосен и елей падали яркие капли и пропадали в уже рыхлом снегу. Синички, почувствовав тепло, перелетали с ветки на ветку и своим голосом призывали весну. Но она не спешила, только давала о себе первую весточку, мол, алло я скоро вернусь. Но всё же это была уже весна. И Уваров, примостившись у окна, наблюдал за природой. А она, казалось, от яркого солнца вся светилась и играла. «Хорошо-то как, – думал Виктор, – куда я еду? И что меня там ждёт?» Но автобус – бездушная машина, железяка разве поймёт. Знай, пыхтит, да тянет свою ляжку, нет бы, заартачиться, как человек, так нет. И, не доезжая до парома, автобус встал. Водитель выскочил из кабины и попросил освободить салон. А за рекой виднелся большой современный город. Трубы мартеновских печей выбрасывали огромное облако ржавой пыли, которое растекалось по всему горизонту, гонимое северным ветром. Пыль чувствовалась и здесь на реке за пределами завода. Но на такие мелочи никто не обращал внимание. Все привыкли.

Выше среднего роста, плечистый, Виктор в чёрном пальто, легко поднял чемоданчик коричневого цвета с двумя блестящими замками, взглянул вокруг добрыми голубыми глазами, направился вместе с другими пассажирами на паром. Он посмотрел на реку и поморщился, увидев на воде огромное маслянистое пятно, которое растекалось на водной глади реки, хотя вокруг был ещё лёд. Чайки это место облетали стороной. Уваров задумался, и сильная правая рука полезла в пышные русые волосы. Ветра он не замечал, подставив ему навстречу смуглое, волевое лицо. Паром просигналил и отчалил от берега. Вода была тёмная и тяжёлая. Местами проплывали льдины. Видимо, где-то в верховьях реки взрывали лёд, но зима ещё не хотела сдаваться, обжигала воду своим холодным дыханием, и она сворачивалась в ледяной панцирь. Чайки садились на лёд, скользили и падали. Люди вздыхали, дескать, ах птицы, не рано ли прилетели? Ведь почти зима ещё, но чайки ныряли в воду и, распластавшись на льду, грелись на солнце. Им не до людских забот.

Паром подчалил к берегу, шофер завёл мотор автобуса и выехал на проезжую часть дороги. Пассажиры побежали за ним, чтобы ехать дальше по маршруту. Уваров не спешил, времени было предостаточно. Он смотрел по сторонам и думал о будущем. На деревьях уже кричали грачи, и Виктор отметил про себя: весна, птиц не обманешь, хотя ещё и довольно холодно. Он медленно передвигал ноги, надеясь на то, что Игорь ещё на работе.

«Я давненько не бывал здесь, – подумал Уваров, – сколько воды утекло с тех пор».

Он подошёл к остановке, сел в автобус. Народу было немного, и он с удовольствием растянулся, устроившись на сидении в конце салона. Кондуктор объявила остановку, и он, поглядывая в записную книжку, направился к дому, поднялся на второй этаж и позвонил.

– Какими судьбами, Виктор, – вскрикнул Игорь Кочин, обнимая в дверях гостя.

Он осмотрел его со словами: мол, хорош.

– Не догадаешься. Как снег на голову, – ответил Уваров.

– Катя, посмотри, кто приехал, – не унимался Кочин.

В квартире послышались шаги, и на пороге появилась молодая, русоволосая женщина. Она удивлённо подняла на Уварова большие, выразительные глаза, притушенные нежной поволокой и пожала плечами.

– Да это же друг детства – Витька Уваров, с которым не один пуд соли съели. А-а-а! Да вы же незнакомы, – догадался Кочин.

– Всё-то ты забываешь, Игорь Кочин, – сказала женщина и протянула Уварову руку, – Катя.

– Виктор Уваров, – смущённо назвал своё имя и фамилию гость.

Дверь закрылась, и они оказались в коридоре, где стояла стенка тёмного цвета, вероятно чешская, тумбочка под обувь, трюмо.

– Витя, раздевайся, вешай вот сюда пальто, ботинки в тумбочку, а я тем временем отлучусь, – сказал хозяин. Он дал сигнал жене, мол, приготовь закуску. И засуетился.

– Ничего, ничего, Игорь, не волнуйся из-за меня, делай своё дело, а я этим временем посижу. – Он зашёл в большую комнату, осмотрелся и сказал, обращаясь к жене Кочина, – райский уголок, рад за вас.

Одобрённая вниманием, Катя ходила рядом и, улыбаясь, рассказывала, как доставали мебель и где. Уваров внимательно слушал, ничем не выражая своих мыслей.

Хозяйка встала и, посмотрев на гостя, спросила:

– А вы кто по специальности?

– Агроном. Брожу по полям, лесам, болотам, смотрю, анализирую, думаю о повышении урожайности на наших полях, да вот зашёл в тупик. Всё дело в удобрениях в нужных количествах, а где их взять?

– То-то я смотрю загорелый, видно много времени находитеесь на воздухе.

– Солнце, воздух и вода делают своё дело.

Он улыбнулся, тряхнув густыми волосами, и полез в карман за расческой. В квартире было тепло и уютно, пахло новой мебелью и краской. Большая комната была центром квартиры. Здесь на полу лежал ковёр иранской вязки, стенка коричневого цвета в жерле которой стоял телевизор. На ковре журнальный столик и два кресла. В стенке за стеклом красивые переплёты книг, а рядышком в другом отделении, посуда: стопки, фужеры, тарелки. Над книгами ярко выделяется тонкая лента белой бумаги, где рукой Игоря раскрашенными буквами написано: «Коммунизм – это Советская власть, плюс электрификация и химизация всей страны, в которой и я принимаю непосредственное значение». И подпись красными чернилами. А посередине увеличенный портрет Кочина, где он снялся в суконной куртке, как рабочий. Взгляд его устремлён вверх, будто он не стоит на земле, а парит над ней. В руке цветастый платок, прижатый к шее – знак тяжелого труда. Стены квартиры, оклеенные обоями мягких тонов, не раздражают глаза. Кругом чисто, уютно и никаких излишеств.

«У хозяйки хороший вкус, – отметил про себя Уваров, – только вот крайности Игоря».

Виктор подошёл к трюмо, расправил широкие плечи, тряхнул волосами. Чёрный костюм и белая рубашка под галстук ладно сидели на его плотной фигуре. Его рука потянулась к портрету Кочина, а вот почему, он и сам не мог бы на это ответить. Уж больно выразительный был портрет-то. Ну, как тут не отреагировать. Он притягивает к себе, к нему хочется коснуться руками, портрет ли это? Казалось, что он просто выходит из стенки и улыбается загадочно и мило.

«Где он мог сделать такой портрет? – подумал Виктор, – или он очень любит себя, или хочет запечатлеть свою личность на века».

Из кухни выглянула хозяйка, и Виктор непроизвольно засмотрелся на неё. Она была просто очаровательна в своей женственности и красоте. Длинные русые волосы, распущенные по плечам, прикрывали то правую сторону лица, то левую. И от этих движений непринуждённых и простых становилось около её тепло и уютно. И вся она была какая-то домашняя и милая.

Крупные, голубые глаза из-под тёмных ресниц излучали доброту и ласку. И Виктор невольно подумал: «Кажется, дружок не по себе срубил деревцо-то», а вслух сказал:

– Катюша, что-то с кухни у вас вкусеньким запахло.

– Да ничего особенного. Волнушки из холодильника вытащила. С горячей картошечкой то очень добро, колбаски с яичками нажарю, вот и вся наша пища, – смущенно ответила хозяйка.

«Хороша, – опять подумал Уваров и сел за журнальный столик, где были разбросаны газеты и журналы. Он смотрел названия корреспонденций, но смысла не улавливал. Что-то горькое и злое промелькнуло в его груди и захолонуло, да так, что трудно стало дышать. – У самого такая прелесть, а он зарится на мою Маринку. Это несерьёзно и даже нечестно по отношению к такой девушке, как его жена Катя. Что, она виновата, что у нас всё запуталось, заржавело, скисло. Видимо, это крест Уваровых и Кочиных и нести его надо достойно, ведь наши предки, может быть, на протяжении веков жили вместе. Эх, Катя, Катя».

Потом ему надоело сидеть. Он поднялся, подошёл к окну, отодвинул тяжёлую бархатную штору и, взглядевшись в потемневшую улицу, где горел свет, заметил, что жизнь не утихает даже с наступлением темноты, также двигались: пешеходы, машины, автобусы. Он хотел уже снова взяться за газеты и журналы, но тут в квартиру ворвался запыхавшийся Игорь и выдохнул:

– Еле нашёл. Несколько магазинов обегал. Упросил знакомую продавщицу. Катя, закусь на стол. Пировать будем. Это же Витька Уваров. Понимаешь, друг детства.

Кочин был сильно возбуждён, старался показать себя с лучшей стороны, дескать, смотри, как мы живём. Может быть, он считал себя виноватым перед Уваровым, вот и выкладывался сейчас как истинный и добрый хозяин.

Виктор заметил, что он что-то ждёт, но чего, не знал. И где-то там внутри, казалось, под тяжким спудом, который он боялся даже шевелить, заскрежетало. Он увидел лицо матери, и ему стало грустно. Хотелось бросить всё и уехать к себе в деревню. Не хватало, чего доброго, что речь пойдёт о давнем, и уже почти забытом. Шевелить прошлое – это значит снова поссориться, но уж видно человек так устроен, что прошлое всегда рядышком и оно нет-нет, да и напоминает о себе, а особенно это происходит тогда, когда человек под хмельком.

На какое-то мгновение Уваров заметил, что лицо Кочина слегка побледнело, насупилося. Жёсткие черты выбились на передний край, оно исказилось, стало неузнаваемым. Он сказал:

– Пить будем, а говорильня по ходу дела. Мы ещё с тобой ни разу не напивались, а так хотелось все эти годы посидеть с тобой за чаркой доброй водки. Ты ну нисколько не изменился с тех пор, как мы с тобой виделись чертяка.

Они выпили по одной, затем повторили, и когда настроение поднялось, Игорь снисходительно спросил:

– Как там живёт моя мать, Маринка, дети твои?

– Нормально. Мать твоя ждёт, не дождётся тебя, все глаза просмотрела, когда же в деревне появится милый Игорёк. Мишка у меня скоро в школу пойдёт. Марина всё с животными возится, а я по полям брожу.

Кочин поднялся из-за стола, сел на диван и, положив ногу на ногу, закурил. Виктор пристроился рядышком и посмотрел в лицо Игоря. Он заметил, что при упоминании имени жены и сына, Кочин слегка бледнеет.

– Что им сделается моим сорванцам, бегают по деревне, горюшка не знают. Только вот я неустроенный, – вздохнул Уваров. – Надоело в деревне, сил больше нет. Всё одно и то же.

– Ничего, дружище, не расстраивайся, – хлопнул по плечу Виктора Кочин. – Хочешь, переходи в мой цех. Уж как-нибудь я о тебе позабочусь.

– Спасибо, Игорь.

Виктор чуть было не дополнил: мол, я как и думал, ты помнишь и считаешь себя должником. Только мне-то нет охоты этим воспользоваться. Всё же Кочин ты здорово вырос, щедрый стал.

Они ещё долго пили вино, говорили. Катя завела лёгкую музыку и поочерёдно танцевала то с одним, то с другим. А рано утром друзья поехали на место строящегося завода. Свалка дымилась, издавая зловонье. Сытые вороны сидели на кустах, не выражая даже малейшего внимания людям и всему, что их окружало. И только пригревало солнце, как они начинали волноваться, и их карканье слышалось за пределами свалки. Сейчас же они были тихие чёрно-серые комки.

День был мглистый, что-то вроде тумана окутало строительную площадку. Друзья говорили вполголоса, и лица их были задумчиво-сосредоточенные.

– Вот здесь построим завод азотных удобрений, сырьё рядом и его много, а с постройкой новых коксовых батарей его ещё будет больше, – говорил Кочин, взяв Виктора под руку, – поэтому нам надо начать строительство и как можно быстрее. Земля северо-западной зоны нашей страны настолько отохла, что урожаи почти не превышают брошенного в неё зерна. В ней нет азота, важного компонента урожайности.

Игорь развёл руками вокруг, как бы говоря: посмотри сколько её, и вся она требует витаминов, то есть жизни.

Он взглянул из-под густых бровей на Уварова, вытащил сигарету и закурил.

– Виктор Иванович, поняли, – сказал он приглушённо.

Уваров повернулся к Кочину и понял, что тот говорит внутрь воротника, поэтому и голос такой, будто из подземелья. Такой начальственный тон скребанул Виктора по сердцу, и это обращение, Виктор Иванович, покорило его. Он не ответил Игорю, стоял и думал, заложив руки в карманы пальто. Сейчас Виктор стал понимать, что дружба их какая-то вымученная, безликая, от которой ни жарко, ни холодно, а под сердцем остаётся пустота и больше ничего. Что же это за дружба?

Вспугнутая стая ворон с карканьем поднялась с кустов и закружилась над головами. Уваров подумал: «Скоро здесь всё уберут, чем кормиться-то будете?» И, склонив голову набок, посмотрел на хищных птиц.

Недалеке послышался треск дизельного двигателя. Тяжелый экскаватор, приминая чёрный слежавшийся снег, медленно и осторожно двигался к котловану, где чернела только, что поднятая земля, его догоняли два бульдозера для дальнейшей работы.

– Я как начальник будущего цеха предлагаю тебе должность начальника смены, – донёсся до Уварова голос Кочина.

Виктор очнулся, посмотрел на своего друга, вспомнил, что тот его назвал по имени и отчеству и тоже перешёл на официальный тон.

– Игорь Петрович, мне хочется поработать простым аппаратчиком пока нет опыта, а там будет видно. Я думаю, вы мне в этом не откажете.

– Как хотите. Только удобно ли вам будет, ведь по своему образованию вы на много стоите выше рабочих.

– Сейчас рабочие тоже грамотны, и я думаю, вряд ли они ниже нас по своему умственному развитию, если только самую малость.

Кочин посмотрел сверху вниз на Уварова и ничего не ответил.

Бульдозеры, развернулись, стали сгребать мусор в одну кучу. Отъевшиеся на богатых харчах, крысы с писком выбегали из-под ножей и устремлялись прочь. Кочин, увидев такую картину, поморщился, мол, и откуда только берётся такая дрянь. Он быстро взял Виктора под руку и потянул со свалки к дороге, где прочный асфальт и бегают машины.

– Ну как там у нас в деревне, – спросил Игорь, переменяв разговор, – мама здорова? Что-то от неё нет долго писем.

– Далеко ли до дому-то, сел на автобус, да и приехал. Как- никак родина.

– Зарок себе дал, пока не куплю машину, не поеду.

Виктор взял у Кочина сигарету, закурил. Никотин успокаивающе подействовал на нервы. С коксохима наносило запах каменного угля, смол. Временами ухало. Клубы пара и газа вылетали наружу и заволакивали окрестность. Началась изморось. Казалось, всё вокруг пропитано влагой. Она уже стала проникать сквозь тонкое демисезонное пальто, охлаждая тело. Воздух же здесь был серый от газа и очень плотный. Уваров закашлялся, прижимая к носу платок.

– Привыкай, – услышал он почти неживой голос Кочина, который выбивался и тут же глух, – не то ещё будет.

– Пацанов жалко, да Маринка с тещей заели, только и твердят в город, да в город, – процедил сквозь зубы Уваров. – Я бы из деревни никуда. Мишка с Ванькой подрастают, а в деревне такого развития, как в городе, конечно, не получают.

Виктор понял, что говорит устами жены и тёщи и засмутился. Лицо Кочина будто окаменело, по нему стекали капельки дождя, но он, видимо, ничего не замечал.

На дорогах снегу уже не было, его убрали машины. И они, обходя тёмные лужи, медленно шли к автобусной остановке. Слов не было. Виктор отмечал про себя, а что же изменилось в городе после его последнего приезда сюда. Игорь, насупившись, тоже молчал. Было такое впечатление, будто идут два совершенно незнакомых человека.

– Игорь Петрович, я думаю, вы мне дадите весточку, когда начнёте отправлять людей на учёбу? – спросил Уваров.

– Обязательно, Виктор Иванович, не волнуйтесь.

Вскоре они разошлись в разные стороны, что было на душе у каждого понять нетрудно.

Сейчас Уваров стал понимать, что дружба их держится только на детских воспоминаниях, когда Игорю было очень трудно, но стоит только сблизиться и поговорить, как куда-то в небытьё исчезает понимание и взаимная симпатия, а в сердце остаётся боль и ожесточение. Хотя Игорь и получил высшее образование, но мнения о том, что произошло во время войны под Псковом, не изменил. Во всех бедах он винил Михаила Уварова, родного дядю Виктора, да Ивана Петровича Денисова. Виктор тоже хорошо помнил эпопею Пскова, тесть не раз ему рассказывал её со всеми подробностями.

Глава 6

Сейчас для начальника цеха Кочина настало трудное время. Он совсем недавно приехал из Кемерово, где после института работал мастером на химическом заводе. А директора завода он знал, поэтому и должность ему была обеспечена. Сюда его просто потянуло, деревня рядом, да и должность не мастерская. Игорь Петрович не чувствовал под ногами земли. Такой рост, не каждому даётся. Он вспомнил Уварова, который закил в своей деревне, и только он Игорь Кочин мог взлететь так высоко. Начальник цеха – шутка ли? Игорь Петрович ещё не совсем освоился с новым своим положением, как круговорот проблем связанных со строительством цеха захватил его полностью. Основной вопрос был у всех на устах – кадры. Каждый начальник цеха старался для себя. Кочин хлопал глазами, видя как у него из – под носа уводят грамотных людей, нужных и ему. Отдел кадров одно, а цех совершенно другое. Он хотел было пожаловаться директору, но испугался показаться слабым и беспомощным. А время летело, его не удержать.

Лето уже было в полном разгаре, нужно было отправлять людей на учёбу, а у него ещё не хватало кадров на основные специальности. Как-никак, чтобы быть мастером своего дела потребуется не один год. А мощные турбины, вырабатывающие электроэнергию, ещё без машинистов, и когда они появятся в его штате, неизвестно.

Кочин поёживается, смотрит на своё «воинство» с кем ему придётся давать азотную кислоту – основной продукт аммиачной селитры, волнуется. Ему ещё трудно себе представить, как будут работать эти люди. Вот сидит восемнадцатилетняя Вера Серова, справится ли она с котлами утилизаторами, а это Владимир Соснин, аппаратчик абсорбции раньше работал в химии. «Дела...

Как будем пускать цех, – думал Кочин, – да и это ещё скопление в такой комнатухе, просто беда. Конечно, тесно два десятка людей, а что поделаешь бытовой корпус ещё не готов». Он смотрел вокруг себя на стены, которые были залеплены схемами производства, а около них толпилась группа рабочих. Они смотрят, доказывают, выясняют, но уж больно всё это муторно. И так всё ясно, а они всё копают и выискивают.

– Фёдор Григорьевич, ты не брал на моём столе скрепки? – спросил Кочин у начальника смены Сиротина, приехавшего по вызову из города Невинномыска.

– Нет. Зачем они мне, – ответил Сиротин.

– Только что были, вот напасть, – Игорь Петрович сверкает глазами по лицам, точно хочет убедиться, не взял ли кто, но все молчат.

Раскрывается дверь, на пороге появляется секретарша директора.

– Игорь Петрович, к директору, – сказала она и ушла горделиво, приподняв голову с модной причёской.

Кочин встал, обвёл всех подозрительным взглядом и вышел. В комнате долго стояла мёртвая тишина. Машинист Костриков не выдержал и спросил проникновенно:

– Фёдор Григорьевич, может быть, всё же у вас где-нибудь они под бумагами?

– Ты что, Василий!? До лампочки мне эти скрепки.

Он не выдержал, подошёл к столу начальника цеха, перешевелил бумаги и вытащил коробку.

– Вот они, – выдохнул из себя воздух Сиротин и поднял скрепки над головой.

Все молчали. Кажется, пустяк скрепки, но этот казалось бы пустячок, вывел из себя Сиротина. Он сидел, уткнувшись в бумаги, на лысой его голове появилась испарина. Фёдор Григорьевич её не вытирал.

– Ну и что тут особенного, если человек спросил, – приподнялся со своего места машинист Костриков, – чё это вы так все переполошились?

Ему не ответили, и он затих. В окно светило яркое солнце. В комнате было жарко и душно. Прямо против окон на осветительной вышке между прожекторов грачи устроили гнездо и теперь трудились, как у нас говорят в поте лица, где из гнезда, вытянув свои шеи, птенцы требовали пищи.

Тишина. С воем пролетает зелёная муха, она стучится в стекло и зудит, зудит по нервам. С полей наносит пряный запах разнотравья. Хочется бросить всё и уйти на речку, где можно растянуться на горячем песке и ни о чём не думать, просто лежать и смотреть в небо. Тик, так отстукивают часы минуты рабочего времени. Так, так стучит сердце каждого, шелестит бумага. Мужчинам надоело сидеть в духоте, вышли покурить. Остался начальник смены, он не курил. Фёдор Григорьевич ещё довольно молод, ему нет и тридцати. Жениться не успел. Девушки, вздыхая, шепчутся:

– Если бы ему ещё и волосы, Сиротин был бы хоть куда.

– Волосы сейчас уже не в моде. Учёные подсчитали, что в двухтысячных годах – того, все будут плешивые, – сощурился глаза, улыбалась Зоя Кухтина аппаратчице Вере Серовой, – с волосами одно расстройство: причёсывай, ухаживай, толи дело лысина. Взял бархоточку, смазал вазелинчиком и пошёл драить, блеск, залюбуешься.

– Ты у меня поязвишь, – вздыхал Сиротин, – чувствуя, что разговор идёт о нём. – Я тебе...

Он не находил слов от возмущения, срывался с места и шёл к ней, грозно сверкая глазами. Зойка понимала, что это шутка и с визгом убежала, ожидая его где-нибудь в углу. Сейчас Фёдор Григорьевич не отреагировал на очередной всплеск души девушки, и она, поджав пухлые губки, замолчала.

В коридоре в это время шёл разговор.

– Эх, хорошо бы сейчас оказаться в лесу, набрать грибков и нажарить их с картошечкой на закуску под водочку, ведь конец июня, а мы их и запаху не нюхали, – собрав вокруг носа морщинки, выдавил из себя Василий Костриков. – Эх, жизнь, скукота.

Он стоял у стены и выпускал из себя колечки табачного дыма, а сам в это время наблюдал за лицами товарищей.

– Неплохо бы повернуть это дело, – хмыкнув, поддержал его Веселов. – В лесу, как в раю, да ещё, если с девочками. У-у-у!

Из кабинета директора в это время вышел весёлый и радостный Игорь Кочин, лицо его так и светилось. Он дышал часто, раздувая широкие ноздри, и казалось со стороны, что Кочин, не задумываясь, бросился бы в бурную речку, не считаясь с порожистым дном. Он не шёл, а будто летел на крыльях.

– Игорь Петрович, что-нибудь приятное сказал директор? – спросил Костриков и роблепно заглянул в глаза начальнику цеха: мол, мы тебя отлично понимаем, держись за нас.

Кочин только улыбнулся, как бы сказав: много будешь знать, скоро состаришься. Костриков обиженно поджал губы на такое невнимание к своей персоне, зашёл в комнату. Пока Игорь Петрович курил на улице машинист, принёс портфель. Он раскрыл его и вытащил несколько книг, поглядывая на Игоря Петровича и, улыбаясь, сказал:

– Детективы. Это то, что надо современному человеку.

Кострикова окружили, протягивая руки к книгам, но он выжидал.

– Покажи, что у тебя там? – заинтересовался начальник цеха, – не иначе как мировой шедевр.

Машинист, снисходительно улыбаясь, повторял одно и то же:

– Детективчики – сила.

Его узкое, веснучатое лицо постоянно менялось, то оно было роблепно-приниженное, то высокомерное. Кочин подумал: «Во, жук», но ничего не сказал, рассматривая одну книгу за другой.

– Вася, дай почитать, что тебе стоит. В долгу не останусь, – протянул руку Веселов.

– Мне тоже неплохо бы почитать, – раздался чей-то голос сзади, – друг называешься, а скрываешь такие книги.

– Что ж, Василий, может быть, мне дашь почитать? – сказал Кочин.

– Берите, Игорь Петрович, берите, хоть все. Мне не жалко. Я их прочитал. Потом принесёте.

Кочин положил книги в свой портфель и закрыл на ключ замки.

«Будут у меня хорошие кадры, Степан Назарович не подведёт, если обещал, – думал Кочин, – у него слово с делом не расходится». Он смотрел на людей, перебирая в уме их анкетные данные, представляя кто на что способен. Какие они все разные. Здесь и молодёжь ещё не работавшая и уже люди в годах. Скоро приедут опытные вызовники с других предприятий страны. Кочин не унывал. «Нет, жизнь ещё только начинается, – думал он. – Ничего, что все меня обходили, не считая за делового человека, а ведь я ещё себя покажу. У меня всё впереди, молодость – многое значит. Главное не ныть на временные неудачи, дорога прямая – бери вершины производства. Витька Уваров скоро приедет. На него можно положиться. Он упрям, если за что возьмётся своего добьётся».

– На пикничок бы завтра съездить, отдохнуть, – раздался голос Веселова.

– Устал от нечего делать, – подмигнула Зоя Кухтина Серовой.

– А что, ведь неплохо бы куда-нибудь на речку. И рыбка и грибы, – поддержал его Костриков.

– Сейчас день за год. Зачем куда-то ехать, – промычал под свой нос флегматичный аппаратчик Соснин. – Дома дел невпроворот.

– Ну и сиди со своей женой дома, соли грибы, вари варенье, а нам холостякам, что прикажешь делать в общежитии? Поехали, чего тут ещё раздумывать, зачем терять время, ещё наработаемся, – не унимался Костриков.

Поднялся шум. Уже обсуждали поездку, записывая желающих. Кочин поднялся и сказал:

– Пятеро. Хорошо. Можно ехать на заводском катере, я договарюсь.

– Игорь Петрович, и вы поедете с нами? – спросила Вера Серова. – Вот хорошо.

– Придётся, – улыбнулся Кочин и пригладил и без того хорошо уложенные волосы. У него внутри вдруг всё встрепенулось от этого ещё полудетского взгляда, и на сердце стало тепло и радостно. Всё складывалось, как нельзя лучше. Люди к нему относятся с открытой душой, значит, доверяют и надеются, а это главное. – Придётся для них постараться.

Катер шёл не быстро, упорно пробивая встречную волну. Утро было солнечное. Лёгкий ветерок раздувал волосы девушек и парней. Воздух был чист и прозрачен. Дыши, не надышишься, да ещё игривые волны, бьющие в борт катера, залетают и брызгают в лица.

Кочин вёл катер уверенно и спокойно. Рядом проскакивали суда на подводных крыльях, гружёные самоходные баржи, лодки. А кругом простиралась водная гладь, где в воздухе парили чайки, падая в воду, ловили рыбу. Проглотив рыбку, они продолжали свою охоту. Было такое впечатление, что они не знали сытости. Девушки бросали им хлеб и кричали. Вспугнутая криками, над головами пролетела кряковая утка.

– Нам бы её сейчас на жаркое, – облизнулся Костриков и пристально посмотрел в глаза Зои Кухтиной.

Девушки затянули песню, и она понеслась широко и просторно, огласив окрестности человеческим ожиданием и тревогой. Игорь слушал эту песню, и ему было приятно. Уходили заботы о цехе, людях, которые должны были приехать из других городов. Сейчас ему не хотелось ни о чём думать, просто уйти от проблем, связанных с производством, хотя бы на время снять напряжение, которое накопилось за это небольшое время. Он хорошо знал по своему ещё небольшому опыту, что такое ввод агрегата в строй действующих и сейчас старался выбросить всё из головы. Начальник смены Веселов в это время стоял на носу катера и внимательно осматривал берег.

Солнце поднималось всё выше и выше. На берегу бегали мелкие птицы типа куликовых. Они перелетали с места на место, вертели головками и усиленно хватали мошек. Кочин старался не думать о жене, оставленной дома. Его сейчас вело чувство незнакомое ему, и он отдавался этому чувству весь. Он блаженствовал. Природа действовала на него, как бальзам на измученную душу. Мотор работал чётко на всех режимах. Что ещё нужно человеку? Он направил катер к берегу и выключил мотор. И сразу тишина оглушила всех присутствующих. Катер ещё скользил по воде, а уж начальник смены Веселов выскочил и, схватившись за цепь, тянул его к коряжине, поваленной весенним паводком. Воды уже около её не было, и теперь лежала она, выставив сучки и корни, как бы оплакивая свою судьбу. Девушки с визгом выпрыгнули босыми ногами в воду и бросились на берег. Кочин поднял конец цепи и, обвязав ею ствол дерева, повесил замок. Костриков, напряжившись под грузом всеми своими мышцами, тащил сразу две палатки: одну для девушек, другую для мужчин. А девушки уже хлопотали насчёт стола, раскладывая на газеты содержимое сумок.

Игорь Петрович в это время, взяв в руки топор, прохаживался по лесу в поиске сухих дров. Работа нашлась всем. Стукоток и говор разносились по всей округе. Растревоженная появлением людей белка спустилась по стволу сосны вниз и, трепеща чего-то на своём беличьём языке, выражала своё недовольствие. Вера Серова подошла ближе, но белка поднялась выше, и оттуда ещё долго доносилось недовольные звуки. Девушка смотрела на сосну, скрестив на груди белые, нежные ручки, ещё не знавшие физического труда, вздохнула:

– Ох, какая она шустрая.

Игорь Петрович, глядя на девушку, спросил:

– Что там?

– Белка, – ответила девушка, – и, кажется, недовольна нашим приездом сюда.

– Конечно, может быть, у неё бельчата маленькие, вот она и волнуется.

– Вот бы увидеть их. Я ни разу не видела бельчат.

Кочин, таинственно улыбаясь, посмотрел вслед Вере и сказал:

– А если я найду гнездо, что тогда?

Вера смутилась и ничего не ответила. Кочин походил вокруг деревьев в поисках беличьего гнезда, но ничего не обнаружил. Он свалил топором сухостой и, обчищая сосну, думал: «Она ведь ничего, эх, ты, Игорёк. Одна ничего не значащая улыбка милой девушки, и ты уже в её власти», Он хмурился, но на душе было тепло и радостно.

– Игорь Петрович, идите к столу, – услышал он сочный голос Зои Кухтиной.

На газете, нарезанная ровными кусочками лежала колбаса, консервированные огурчики, солёные грибы, ну и, конечно, водка, и много разной снеди. Тихо играл магнитофон западную музыку.

– Поехали, чего ждать, – поднимая стакан наполовину наполненный светлой жидкостью, взял слово Костриков, – как будто в цехе, присмирели все. Эх вы.

По лицу парня блуждала хитроватая усмешка, которой он рассматривал и одарял Зою Кухтину: мол, веселее девушка со мной не пропадёшь. Лаборантка в ответ улыбалась одними губами. Через несколько минут за столом веселье уже было на высоте.

– Вера, да выпей немного, – уговаривал Кочин Серову, – зачем от коллектива отбиваться. Так у нас не заведено.

Он видел её милую и нежную улыбку и млел, радуясь тому, что девушка здесь и с ней можно позабавиться. Девушка вся съежилась и с трудом проглотила, налитую ей водку, поперхнулась и запила лимонадом.

– Вот и умница, – продолжал Кочин, орудуя вилкой, – а насчёт того, я заверяю, принесу её в клетку как миленькую.

Он показал в сторону высоких сосен и улыбнулся блудливо и ненатурально.

– Не надо, Игорь Петрович, пусть она живёт на воле, – смутилась девушка.

– Если не хочешь, твоё дело, а то бы я.

Он недоговорил. Ему стало хорошо, не надо искать для этой глупой девчонки зверька, забираться на дерево, ради чего.

– Игорь Петрович, когда поедем на учёбу? – спросил Веселов.

– Скоро, – ответил Кочин и продолжал, – только здесь не зовите меня по имени и отчеству, здесь все на одном положении. Игорь, и вся любовь.

Он обвёл всех взглядом, как будто забил гвоздь в сказанное. И, конечно, всем понравилось такое обхождение, стиралась грань между рабочим и начальником, не зазнаётся – значит своей. Стало легко, как это бывает в кругу очень близких людей. Он, как и все, пел, плясал, травил анекдоты, да и вообще ничем не отличался от других. Пили, пели, играли в прядки, а когда солнце ушло за горизонт, бросив свои последние лучи, спохватились, что ещё не натянуты палатки. Кочин, пошатываясь, взялся за топор. Он срубил несколько кустиков для растяжки, очистил и заострил их, затем подыскал на колышки тонкие осинки.

– А может не стоит, – высказал своё сомнение Костриков. – Ночь – просто прелесть, смотрите звёзды вышли. В такую ночь только любить.

– Надо. Устанем очень, – сказал Кочин, – мы приехали отдыхать, зачем же переутомляться.

Ещё горела алая звезда на западе, а уже Вера Серова легла спать. А веселье у костра продолжалось, но, конечно, уже не с тем накалом. Чувствовалась у всех усталость. И песня уже звучала не так, да и ноги уже в танце сбивались с такта. Зоя Кухтина утащила Кострикова в лес. И вскоре на берег опустилась полная темнота, где под дуновением лёгкого ветерка деревья тихо шуршали. А невдалеке крикала утка с утятами, да коростель не прекращал свою единственную песню. Кое – где на берегу ещё запылали костры. По небу проскочил самолёт, оставив белый след на небосклоне. Затем вышла из-за тучи луна. Кочин изо всех сил крепился, но сон сморил и его. Он вздохнул, сколько отдыхающих? Потянулся так, что хрустнули суставы и полез в палатку, где спала Вера Серова. Чувствуя рядом ровное дыхание девушки, Игорь придвинулся к ней. Разум ещё боролся, но страсть уже пронизывала всё его молодое тело, и он обнял девушку, сильно прижав её к себе.

– Кто это? – вскрикнула Вера.

– Я люблю тебя, – прошептал прерывистым голосом Кочин и обжёг губы девушки жарким поцелуем.

– Игорь Петрович, что вы делаете? Очнитесь! Не надо! Я боюсь. У меня жених.

Но он прижал её своей тяжестью, и она затихла.

Солнце было уже высоко, когда она поднялась и вышла из палатки. Её слегка подташнивало, и она убежала в лес. Костриков улыбался, Веселов брезгливо морщил нос. А девушки, умывшись и прибрав себя, собирали на стол. Кочин смотрел на бледную девушку и думал: «Дошёл начальничек до ручки. И зачем я это сделал? Проклятая водка, что делает с человеком. А если кто слышал крик Верки, тогда мне хана». Кружилась голова, к горлу подступала тошнота, нестерпимо мучила жажда. Кочин стянул с себя одежду через голову, бросился в воду. Он фыркал, плескался, плавал. Наконец почувствовал облегчение и, промёрзнув изрядно, вышел на берег. Вера Серова, сжавшись в комок, сидела у костра. Игорь хотел сказать ей что-то утешительное, но нужных слов не было, да и не мог при всех открыть свою душу в надежде на то, что его собутыльники не знают о его похождениях ночью. Перемелется, решил он и выпил стакан водки. После выпитого сразу стало легче. Он уже не в таких мрачных красках вспоминал проведённую с Верой ночь.

Костриков включил модную музыку, где незнакомая зарубежная певица пела о любви. Зоя Кухтина схватила Кочина за руки и потянула в круг. Здесь трава была уже вытоптана, и получился как бы пятачок. Ноги прыгали сами по себе. Зое было весело. В эту ночь у неё произошло большое событие, Василий Костриков обещал на ней жениться. И сейчас она кру-

жила всех, кто попадал ей под руку. Игорь устал с ней, вышел из круга и увидел, как Веселов приглашает Веру на танец, но она не идёт. Кочин заволновался, как бы чего не выкинула, подошёл.

– Вера, что с тобой? – спросил он участливо.

– Ничего, – крикнула она и, озлясь, убежала в лес.

Игорь через кусты бросился за ней, думая на ходу: до чего же капризные эти женщины, стелешься перед ними, а толку? Не хотят тебя понять, выпендриваются.

Вера, обняв тонкую берёзу и, рыдая, ломала себе руки, дескать, как я теперь перед Сашкой оправдаюсь? О горе мне. В скором времени мы хотели пожениться. Он же умрёт от горя, или убьёт меня.

Игорь не знал, что ей сказать, как утешить. Спазма перехватила его горло.

– Верочка, Верочка, ну что тебе нужно, что? – шептали его губы, повернув её лицо к себе. – Я всё для тебя сделаю.

– Ничего мне от тебя не нужно – сластолюб. Иди от меня прочь.

– Верочка, успокойся, разве так можно? А я-то причём тут.

Глаза девушки вспыхнули, и она процедила сквозь зубы:

– Ты, конечно, не причём. Это оказывается я в случившемся виновата.

У Кочина упало настроение. А день был такой прекрасный. Светило тёплое, летнее солнце. Лёгкий ветерок шумел в камышах. Игорь разделся и пошёл в воду. Просто так, не для того, чтобы принести себе радость, а так, потому что он не знал чем себя занять и как сбросить с себя тяжесть, которая навалилась на него. Он стал ломать камыш.

– Мне сломы, мне, – раздались голоса, но Кочин не слышал их. Он бродил и бродил, хлопая босыми ногами по воде.

– Вася, что с ним? – спросила Зоя Кухтина Кострикова, – наверное, из-за этой птички расстроился. Если что мы все подтвердим, что она сама на него повесилась.

Она зло взглянула на девушку и хмыкнула: мол, подумаешь девочка, но ничего ей не сказала. Игорь вышел на берег с полной охапкой тростника. Он бросил её на землю и стал быстро одеваться.

– Поехали, – выдохнул он с присвистом, – на отдохались.

– Игорь, давай выпьем, чё ты засобирился сразу, – начал было Костриков, – ещё успеем домой-то.

Но Кочин не ответил, даже не посмотрел в его сторону. Он уже проверял движок, а думами был уже в городе, на производстве.

– Ну и дела, – сощурился Николай Веселов, – поездочка, лучше некуда.

Вскоре собрались все. Кочин завёл мотор и, выжимая из него последние силёнки, мчался к городу. Ветер бил в лицо, но он не замечал ничего. В душе была какая-то злость на себя. Он думал: «Отец, ну почему я такой непутёвый, ты комиссар полка, а я твоё продолжение, твоя кровь. Как-то у меня получается всё не как надо. Если Вера пожалуется, что я её изнасиловал, грош цена мне будет. Нет, что она может сказать. Да ничего. Кругом были люди, какое может быть изнасилование. Парадокс, да и только. Да и какая дура может клепать на себя. Вот в твоих письмах с фронта встречаются слова, дескать, на мелочах не останавливайся, будь твёрд в главном. А где это главное-то, батя? Как его отличить от незначительного, второстепенного. Сейчас жена раздуется, её не взял, а как я мог. Если у меня сближение с коллективом, должен же я их знать или нет. Потом ударило словами Витьки Уварова, слышанные им в школе: мишура твои мысли, лучше подумай о других, а уж только после о себе. А что я должен думать о ком-то, своих проблем хватает. Мы всегда брали только с боем. С такими мыслями он въехал на завод.

– Почему болтаешься? – встретил его директор в проходной. – Котлы утилизаторы кто должен принимать у монтажников? Не хочешь пустить первую нитку раньше срока!

В глазах Белозёрова Кочин прочитал: «я тебя породил, я тебя и убью», голубчик, если этого потребуют обстоятельства. Игорю стало трудно дышать. И он, склонив голову и не проронив ни слова, пошёл к себе.

– Игорь Петрович, – обратился к нему бригадир монтажников Семён Козлов, – вода залита в котёл, даванём?

– Давай, Семён Иванович, попробуем, – ответил рассеянно Кочин. У него никак не выходил из головы голос и взгляд директора завода. Он будоражил, выводил его из себя. Игорь Петрович уже стал сомневаться в своей кандидатуре начальника цеха и опять вспомнил слова из письма отца: не боги горшки обжигают, поэтому смело берись за дело. А опыт придёт по ходу дела. Кочин задумался, вытащил из кармана большой цветастый платок, протёр им лицо и шею. Было такое ощущение, что он выпускает из своих рук что-то главное, нужное ему, да ещё Степан Назарович вставляет в колёса палки. «Всё в трубах, – вспомнились ему слова, слышанные им когда-то в Кемерово, – сам-то прежде чем стать директором завода, сколько поваракосил и кличка эта прилипла к тебе намертво, а как звучит «Всё в трубах». Ты, Степанушко, может и забыл, но народ-то помнит.

– Смотрите, Игорь Петрович, держит котёл-то, – услышал Кочин голос Козлова, – ещё бы сделать сегодня гидравлическое испытание КУГа и на сегодня добро.

Кочин, как сквозь призму смотрел на все приготовления монтажников, но мыслями был далеко, там в городе К. Вот он молодой инженер только что окончил институт, зашёл в кабинет начальника цеха. Белозёров улыбнулся тогда: мол, не робей, все мы такие. После у них была дружба и, кажется, крепкой. Они выезжали в лес. Никто не умел так быстро разводить костёр как Кочин, выловить рыбку на уху или подстрелить рябчика. Степан Назарович ценил его. Сейчас же с Белозёровым что-то произошло, стал требовательный, дружбу забывает, вот-вот сорвётся и выгонит его Кочина из начальников цеха. Что ему стоит. А потом оправдывайся, что ты не белая ворона.

Глава 7

В кабинете директора тишина. Временами, резко отдаваясь в ушах, звенит телефон. То ли с горкома, то ли с обкома спрашивают о ходе строительства завода. Белозёров, взглядыываясь в коксохимическое производство, думает. Думы трудные, тяжелые. Смогут ли коксохимики обеспечить производство завода коксовым газом, и какой он будет чистоты. В окно заглядывает летнее горячее солнце. Работающий вентилятор на столе не даёт нужной прохлады. Степан Назарович временами поднимается, подходит к раскрытому окну, смотрит на рельеф местности. С коксохима наносит запах газа. Белозёров не отворачивается. По паркетному полу тянется ковровая дорожка. В углу телевизор. Хочешь отдохнуть от производственных забот, пожалуйста, включи, расслабься. Здесь всё предусмотрено для плодотворной работы, чтобы ты мог работать с полной отдачей своих сил и знаний. Вот оно директорское кресло. Если взялся за дело, не говори, что тяжела ты шапка Мономаха. Что же тут поделаешь, так решило министерство и партия, увидав в начальнике цеха директора. И всё из-за этого изобретения, вставшего поперёк горла некоторым товарищам по заводу, требующих включить и их в состав изобретателей. А зачем их включать, они же палец о палец не стукнули, хотя бы тот же главный инженер. Ну чем он помог?

На столе тикает будильник. Степан Назарович привёз его из города К. Он на протяжении десяти лет не даёт сбоя – подарок к юбилею выпуска миллионной тонны аммиачной селитры, выпущенной его цехом, где он тогда работал начальником смены. Сам выпустил тогда, никому не доверил. Своими руками, сделанное дело, всегда приятней. От него остаётся хорошее ощущение своей значимости на всю оставшуюся жизнь, как бы она тебя не бросала в своей круговерти. И чем больше хороших дел на твою душу, тем она становится возвышенной и ранимей. «Вот и опять она заныла от звонка секретаря горкома, – думал он. – Кто виноват в том, что оборудование аммиачного производства не поступило в комплекте. Строители затягивают монтаж цеха слабой азотной кислоты. Фундаменты заложили, анкерные болты увели. Как ставить оборудование, вот вопрос. Начальник управления Серёгин утверждает, что их можно нагреть и сделать как нужно. Прочность от этого не изменится. Сказка про белого бычка. На такое расстояние придётся изгибать анкерные болты. По пьянке, что ли их ставили, или вообще люди неграмотные, чтобы так запороть. Пусть он не темнит, долбить фундаменты отбойными молотками, кому охота, но придётся, я не допущу брака в работе. Придётся долбить. Во что обойдётся всё это? Деньги уже почти все вычерпаны, а дел ещё невпроворот».

За стеной слышится перестук пишущей машинки. Он, как будто убаюкивает, притупляя бдительность. Секретарша Зина – женщина обаятельная, умеет и приветить и с лаской отправить слишком навязчивого посетителя, ничего не подозревавшего в её аргументации. А директору почёт. Может быть, и не совсем так, но где-то около. Что говорить, как заведённая машина, мол, директора нет. На совещании. Или что-то подобное, уехал и неизвестно когда вернётся. Конечно, от такого обращения остаётся неприятный осадок, а в душу закрадывается одно единственное – бюрократ. И ничто больше. Как это перенести директору, который плачется на работе, не зная покоя. Да и как мы себя не можем переломить для пользы дела, уставимся как баран на новые ворота и ни с места, ничего не видим и неслышим кроме собственного я. Хотя бы и Кочин, дружок несчастный. Не рано ли я ему доверил эту должность. Уж больно кичлив.

– Вы к директору? – слышит он голос Зины, – а по какому вопросу? – Мужчина объясняет ей. – Попейте чайку у меня, скоро он освободится.

– Чертовка. Зачем она так? – говорит про себя Степан Назарович. Потом успокаивает себя. – Может быть, и дело-то плёвое, а всё к директору, как будто у него других дел нет, кроме тех, которые несёт с собой этот человек. Нет, лучше посмотреть, что будет дальше.

В открытую форточку дохнуло отработкой бензина. Едкий запах его распространился на весь кабинет. Белозёров поморщился, внимательно прислушиваясь за разговором за стеной. Но ничего не было слышно, кроме воркующего голоса секретарши. Она ревниво охраняла покой директора завода. И ему было лестно, что о нём она так заботится, понимает его. Лишние хлопоты тоже, зачем? Пусть лучше тихо и всё спокойно.

На столе лежали отчёты, корреспонденции, журналы, газеты, подшивки с делами, а рядом книжный шкаф с технической литературой. Под руками блестели новые телефоны: чёрный – прямой с главком от него можно ждать очередного разноса, красный городской, белый по заводу. В углу селекторная связь для доклада.

Степан Назарович знает, что такое минута на химическом заводе, где непрерывно происходит технический цикл.

«Всё в трубах», – донёсся до него чей-то язвительный голос, от которого стало не по себе. Белозёров пытался вспомнить, что связано с этим выражением, но как не напрягал память, вспомнить не мог. Запамятовал.

Хлопнула дверь. «Ушёл, – подумал Степан Назарович. И какая-то струнка неудовлетворённости навсегда чего-то утраченного, зацепила за сердце. Директор встал и, опираясь обеими руками на подоконник, смотрел из окна вслед посетителю, с которым так и не поговорил. Человек сел на автобус, глядя из окна салона на окна кабинета директора, чесал в затылке и разводил руками. Скорее всего, это работник его завода, но он оказался к нему безразличен. „Всё в трубах“, – опять обожгла мысль. – Да это же бывший начальник цеха произнёс эту фразу, когда я закристаллизовал трубу щелоков, а досужие языки превратили её в кличку, прилепив её мне, тогда ещё молодому инженеру».

Автобус, выпустив облако дыма, тронулся. Молодой человек, стоявший у окна, и казалось Белозёрову, что он сказал: «Так вот ты какой „Всё в трубах“, а слухи по заводу идут, что ты прекрасный человек».

«А мне то, что легче? Я даже в молодости не знал покоя. Да и сейчас того и гляди свалится на голову какая-нибудь беда, – потом резко зазвучало в голове, – это защитная отговорка для бездушных людей, сын у тебя тоже инженер – химик, наверное, переведёшь его к себе, поверь мне, он – бездарь». – «Ну, уж нет. Мой сын – талант. Ещё в детстве очень любил химию. Сколько колб было разбито водородом. Учительница химии не раз на него жаловалась. Мне приходилось посуду носить с завода, а то, как же – единственный сын. Всё для него, – не сдавался Белозёров, глядя в угол кабинета. – Жена раньше времени поседела. Эх, Валюша, Валюша. И как такое могло случиться? Упустили мы что-то в жизни. Ты работаешь сколько лет лаборантом, и не рвёшься на большее, хотя знаю, смогла бы. Лёшка же вкусил власти, теперь не хочет работать простым аппаратчиком, набраться опыта. Как же – сын директора. Вон и Игорь Кочин, начальник цеха слабой азотной кислоты летает, ног под собой не чувствует – гусь лапчатый. Начальничек... Не рано ли?»

Откуда пришли эти негодующие мысли он не знал. Было такое впечатление, что он чего-то прозевал, проворонил. Вот отсюда и недовольство собой.

Нарушив мысли директора, резко зазвенел чёрный телефон. Главк не любит сюсюканье. Ему нужна полная и точная информация, что, где, когда. Белозёров вздрогнул, взявшись за трубку, слегка побледнел.

– Это, «Всё в трубах»? – услышал он насмешливый голос бывшего начальника цеха, затем директора завода и вот теперь уже заместителя министра Васильева.

– Илья Фёдорович, вы? – удивился Белозёров, сколько лет, сколько зим старина. А я думал, вы сошли с производства химии. Как здоровье то?

– Здоровье говоришь? Вот хотел к тебе приехать, отдохнуть где-нибудь на чистой дикой речке. Стерлядки наловить на ушицу. Надоело всё, Стёпа. Приелось.

– Губа не дура, Илья Фёдорович, но где сейчас эта речка? Да ещё и рыбная! Вот смотрю на карту края и ничего не могу предложить: здесь свиноводческий комплекс, там животноводческий, да к тому же эти курятники. – Он хотел сказать: а сколько ты друг мой слил всякой гадости в водоёмы, хотя мог бы что-то и предпринять, рассуждал: природа сама справится и очистится, на то она и природа. Вон сколько на нашем шарике воды, всем хватит на нашу жизнь и жизнь наших потомков, теперь ищешь чистую речку, скоро их совсем не будет, если так бездарно будем вести своё хозяйство. Вот персы никогда не спускают мочи в реку, не моют руки, не плюют в неё – грех великий. Пётр Великий за загрязнение водоёмов виновных карал нещадно. Если бы жил он в наше время, быть бы нам всеми битыми. Знаю я всё, сам сколько лет в химии. Бывало, посмотришь на свою работу, аж душа вянет: судаки, щуки, лещи вверх животами, а вонь стоит, не продохнёшь. Да и приказ твой до сих пор из головы не выходит, когда я закристаллизовал трубу щелоков, твой приказ был таков: «Степан, чего медлишь? Сливай остальные щелока в канализацию. План не выполним, по головке не погладят. Понимать нужно». А можно бы подать кипяченую воду в сборник, выпарить и никаких для природы последствий. И так его Величество план у тебя был превыше всего. После ты оправдывался: а что, мол, было предпринять в таком случае? Из двух зол надо было выбирать одно, или план, или природа. Природа в твоём варианте не котировалась, да и сейчас к ней относятся наплева- тельски, мол, на то она и природа. Мы боги, переделывай её на свой лад. А результат? Тысячи рек и разных водоёмов стали писсуарами на земном шаре. Попробуй в такой реке искупаться? И ты ощутишь на своём теле все прелести своей деятельности. Эх, дорогой мой Илья Фёдорович, звал я тогда после тебя, после нашей экзекуции природе на речку посмотреть, что произошло, но ты не пошёл, а надо бы. Страшно было взглянуть. Вон стояла такая, что близко к речке было не подойти. Я надел противогаз, и всё же приблизился. Ужас охватил меня. Рыба задыха- лась, опалённая изнутри и снаружи, но выхода не было. Представь себе, я плакал. А помнишь, наши аппаратчики, машинисты и лаборанты выливали кислоты, фенолы и разную дрянь прямо на землю. Да ты и сам Илья Фёдорович будучи уже начальником цеха, увидав большую крысу, которая сбежала к себе в норку, решил позабавиться, налил полный цилиндр кислоты и вылил её в норку, где обосновалась крыса. Ясное дело, опаленная, она выскочила и с писком рванула прочь, а ты смеялся. Ты скажешь, что делал полезное дело, такую нечисть нужно выжигать калёным железом, но опять не в ущерб природе. А ядами, не знаю, можно ли. На каждое ядие есть противоядие. Так-то мой дорогой. Мы ещё не подошли к этому пониманию, не созрели умом и сердцем. И если будет так продолжаться, земля превратится в общий гнойник. Кичимся. Создали для себя цветущие оазисы жизни, но где они? Одно место культивируем, другое опу- стошаем. Эх, Илья, Илья! Мне даже и не хочется вести тебя из-за принципа на чистую речку, довольствуйся тем, что посеял. Да и есть ли она сейчас эта речка-то. А-у-у, где ты речка?..

– Степан, ты чего затих? Или не хочешь звать меня в гости? А как хорошо мы дружили, – недовольно пробурчал замминистра Васильев.

– Что вы, Илья Фёдорович, что вы! – встревожился Белозёров, – я задумался, куда бы нам смотреться.

– То-то, «Всё в трубах». Не забывай, кому ты обязан этой должности, – рассмеялся Васи- льев. – Да кстати, как там Игорь Кочин, мы с его отцом до войны кончали партийную школу, оба были комиссарами. Не повезло мужику, обидно. А каков был человек! Ты уж Игоря то не обижай. Женился?

– Женился. Катя у него лаборантка. Очень обаятельная и красивая женщина.

– Пётр то помню, любил Машу из своей деревни, но она предпочла другого, и он женился на Гале из соседней деревни. Дочь генерала была. В войну он тоже погиб. А Машу, он так и не мог забыть – вот в чём вопрос. Может у неё какая обида была на него, кто их знает.

Белозёров не ответил, потому что он не знал ни Петра, ни Маши, хотя Кочин ему как- то в лесу рассказывал о своей семье.

– Ну, так как, «Всё в трубах», ждёшь?

– Конечно, «Реактив Фёдорович», – наконец-то отважился сказать Белозёров кличку, бытовавшую в то время.

– Ах, ты стервец! – расхохотался Васильев в трубку. – Помнишь? Нехорошо так своего начальника называть. А я и сейчас заявляю: реактивы, лакмусы и прочую дрянь, аппаратчик должен знать, как свои пять. Понял, Степан Назарович.

– А ты Илья всё такой же неугомонный.

– Зачем отчаиваться, ведь наша жизнь одно мгновение. Ну да ладно, докладывай.

После звонка Белозёров ещё долго не мог придти в себя, сидел и смотрел в одну точку кабинета: «Подумать только Васильев замминистра и скоро ко мне приезжает в гости. Чем я его угощать буду? Какими разносолами. Он любит хорошо выпить и плотно поесть. Эх, так и не изменил своим привычкам, а годы уже не юношеские».

Он ещё долго ходил по кабинету, слышал, как ушла секретарша, как протяжно вздохнул двигатель автобуса, направляясь в город. И его охватила тишина. Потом позвонил сын, спросил, идёт он домой или нет, Кочин справился об отправке на учёбу.

Автобусы отъезжали и приезжали, слышно было, как суетятся люди, и только Белозёров сидел без движения. «Надо бы жене позвонить, – подумал он, – пусть приготовится к встрече гостей», но трубку не взял. Было такое ощущение, что его в чём-то обворовали. Осадок от восприятия давил на сердце, и Степан Назарович вздыхал:

– Ох, как тяжело всё же быть под чужим каблуком. Бороться с ним, и за что? У него свои причуды. Безотходное производство у нас, так ли это? Замкнутый цикл. Повезло тебе товарищ Белозёров, по благу дали. А если случится беда, как тогда? Ведь аппаратчик не удержал температуру щелоков всего на три градуса, как они стали кристаллизоваться. Три миллиона убытку, как тогда подсчитали ихтиологи. А нам что? Завод выплатил. И вот я смотрю теперь, сколько речной рыбы было в магазинах, а сейчас. Где-то мы все живущие на земле допускаем ошибку, не бережём то, что создала нам природа за миллионы лет. Если бы люди о земле болели, как о насущном куске хлеба, может быть, этого бы сейчас не происходило. Вот тогда бы я понимаю, поняли бы, что земля это наш дом, и пакостить в нём, нельзя.

На улице уже давно стемнело. Директор сидел. Зазвенел телефон.

– Степан, – услышал он голос жены, – домой-то собираешься? Ночь уже на дворе.

– Сейчас, Валюша, еду.

Он вышел на улицу. Служебная «Волга» стояла у подъезда. Степан Назарович часто ездил сам. Не хотелось ему в такое позднее время прибегать к услугам водителя. Вот и сейчас открыл кабину своими ключами, почувствовав, что всё тело просит скорости. Он включил зажигание. Приборы показывали, бак заправлен. Нажал на стартёр, двигатель завёлся сразу.

По дороге от завода встречались редкие машины. Белозёров видел свой завод и радовался, что у него не будет таких эксцессов как под руководством Васильева. Дорога была хорошая. Машина легко набирала скорость. Он летел домой.

Глава 8

В общежитии, расстроенный Костриков, не раздеваясь, грохнулся на койку. Рядом на кровать соседа, который уехал в деревню к матери, пристроился начальник смены Веселов. Он мычал себе под нос одному ему известные слова. Хотел подняться и не мог. За стеной гремела музыка. И разноголосый топот множества ног разносился по общежитию, то стихая, то снова взрываясь.

Костриков поднялся и, пошатываясь, пошёл к двери.

Веселов спросил:

– Вася, ты к Зойке?

– Нет, лежи, скоро приду. Че поднялся?

В коридоре горела лампочка, одна единственная, и то в том конце, где находился туалет. Василий, пошатываясь, завернул на кухню. Свету, конечно, не было. Кухня была большая на несколько семей, ведь общежитие было комбинированное. Василий частенько заворачивал сюда по пьянке, или с дикого похмелья отлить. Мужики взъярились и решили наказать наглеца, который пакостил. И один из них решил и сделал. Ему надоело по утрам нюхать вонь. Он, никому не говоря, принёс с работы прибор, сунул проводки в розетку и ушел. Во втором часу ночи раздался крик с кухни: «А – а – а!» Мужики выскочили из комнат, включили свет и остолбенели. Перед ними в чём мать родила, стоял Васька Костриков и, держась за свой член, издавал не членораздельные звуки. Кто-то, поняв в чём дело, подошёл к розетке и вытащил провода. Мужики хохотали, теперь найден тот, от которого шла эта пакость.

– Такой струмент спортил, и тебе не жалко, – качая головой и улыбаясь, – выдохнул из себя воздух старик, отец начальника смены Сиротина, приехавший к нему погостить. – Эх, парень. Да его только нежными ручками обихаживать, а ты сунул под ток. Ему ж цены нет. Ты бы сам-то подумал. Смотри, как наши женщины приоткрыли двери и любят.

Женщины хихикали. Из комнаты выскочил Веселов и, поняв в чём дело, сбежал домой. И тут наступила мёртвая тишина. Василий смотрел на соседей и ждал самого худшего для себя. Но все молчали. И он рванул к себе. В темноте или кто ему подставил ногу, или сам запнулся, только дверь своей комнаты он открыл головой и хлопнулся на пол. Хмель сразу вышел. Он быстро вскочил на ноги, запер замок на ключ, испугавшись, что разгневанные мужики ворвутся и посчитаются с ним. Но этого не произошло. И Костриков вскоре успокоился.

«Мне теперь здесь не работать, – думал он. – Я теперь пропал. Бедная моя головушка. Зойка найдёт другого. Молодая, интересная, спросом у мужиков пользуется».

Ему не хотелось двигаться, куда-то спешить, вот так бы лежать на общежитьевской койке, смотреть в потолок, где бегают мухи около лампочки и ни о чём не думать, только вот душа болит, не даёт покою, да ещё стыд выбивает на лице пот.

Костриков знал, что после случившегося, будет много разговоров, расспросов и от них уже никуда не уйти. Дело может дойти до Кочина, и тогда дружескому отношению – шабаш.

Солнечные лучи ударили по стёклам, потом перешли на стену и коснулись разгоряченного лица Кострикова. Он недовольтно сощурился и растянулся. Скоро нужно подниматься на работу, время уже движется к шести часам, а он ещё и глаз не сомкнул. Василий ворочался, вздыхал, хотел было сходить в буфет общежития, да как пойдёшь, наверняка, уже знают о его похождениях ночью. Здесь как в деревне, чуть что, уже все знают. Но делать-то нечего, на работу идти необходимо. Он встал, оделся и, оглядываясь по сторонам, выскочил из общежития. На автобусной остановке знакомых не оказалось, и он немного успокоился, чувствуя, что основная часть рабочих общежития уже ушла. Василий сел на свободное сидение и закрыл глаза. Автобус потряхивало, но он, не обращая внимания на такие мелочи, дремал. Проведённая без сна ночь, сейчас сказала. И он спал с удовольствием.

– Васюта, – разбудил его знакомый голос, – пора вставать завод. Что ночью-то делал? Пооди ко к Зойке бегал. Она девка смачная.

Костриков не ответил на шуточный тон начальника цеха, очнулся и вскочил. Перед ним стоял Кочин и тряс его за плечо. Он протянул машинисту руку, и они вместе вошли в проходную завода, где Кочин, встретившись со знакомым, отстал. Всё становилось на свои места. Игорь Петрович на работе недосягаем. Он идёт словно по ковровой дорожке, где на выходе находится президиум, и сейчас его будут чествовать, как одного из лучших, и награда ему, конечно, обеспечена. Игорь Петрович слегка улыбается, вот, мол, какой я начальник цеха Кочин. Он ещё довольно молодой, может горы свернуть, а какие задатки?

В цехе знали уже о ночных похождениях Кострикова, и когда он открыл дверь, все обернулись. Он увидел в глазах людей смех и смутился. Сердце учащённо забилося: сейчас начнётся. И ноги самопроизвольно остановились на пороге.

– Ну чего, как чужой! Заходи, – подтолкнул его сзади Кочин.

Василий сел на стул и впился глазами в схему производства, тщетно пытаясь вдуматься в идущие потоки, обозначенные разными цветами красок. На него смотрели в открытую, кто с улыбкой, а кто враждебно. Костриков терзался, ёрзал на стуле и никак не мог успокоиться. Глаза людей выводили его из себя. Он, то разглядывал схему, то записывал в свой блокнотик, но руки его дрожали. Костриков отворачивался от всех сидящих в кабинете, нутром чувствуя, как они шепчутся, смеются над ним, хотел вскочить и убежать прочь от этого общества враждебно настроенного к нему.

– Что-то вы сегодня какие-то чудные, – сказал Кочин конкретно ни к кому не обращаясь, – может быть, что-то случилось, и я не знаю ничего.

Он смотрел в лица своих рабочих и задержался на Кострикове, который не находил себе места, опустив глаза под стол.

– Василий, ты что ли, что натворил? – спросил Игорь Петрович. – Тогда встань как мужчина и всё расскажи.

– Мал золотник, да дорог, – услышал Костриков голос Сиротина, который сейчас смеялся от души, вспоминая ночные похождения машиниста.

– Зойка Кухтина – девка не промах, – поддержал Николай Веселов. – Так-то, друг, не наша беда.

И они захохотали. Костриков на голоса не поворачивался, он и так понял, кто это распространяется в его адрес.

– Ну, Веселов, ну, Сиротин, поквитаемся, – повторял Василий про себя, – я этого вам не прощу. Свои люди.

– Игорь Петрович, – приподнялся с места начальник смены Сиротин, – Я расскажу вам всё, что случилось сегодня ночью в общежитии.

– Фёдор Григорьевич, что такое? – спросил Кочин.

– Лучше бы женщины ушли в коридор, это не для их ушей.

– Я думаю, вы ненадолго затяните свой рассказ.

– Нет, конечно, я вкратце, расскажу самую суть.

Через несколько минут Костриков выскочил из комнаты, как ошпаренный и бросился на улицу. И его никто не окликнул, не задержал. Он сел в автобус и уехал в общежитие. И в этот же день исчез из города. Прошла неделя, вторая, Костриков на рабочем месте не появлялся.

«Уж не случилось ли что? – волновался Кочин, – не слишком ли больно мы задели его самолюбие, ведь он и сам пострадал из-за своей глупости. Надо как-то бы смягчить обстановку, всё ж мужики поняли бы ситуацию, так нет, подлил масла в огонь. Васька, как же ты Зойку то будешь обихаживать? А он брысь и убежал. И где он теперь ума не приложу. Костриков вроде

неплохой парень и меня уважает. Надо для него что-то сделать. Ну, набедокурил, пройдёт, молодой ещё».

Игорь Петрович ждал Кострикова, но тот не появлялся. На исходе была уже вторая неделя, когда опухший и грязный в его кабинет вошёл Василий с заявлением об увольнении. Он встал в дверях, опустив вниз глаза.

– Слушай, блудный сын, может тебя отправить в командировку? Найдёшь пока нам жильё для прибывших на стажировку, время пройдёт, а после успокоятся ретивые головы, – вздохнул Кочин и внимательно посмотрел в лицо машиниста, которое постоянно менялось.

– Согласен, – еле слышно выдавил из себя Костриков, – только когда ехать?

– Хоть завтра, документы я подготовлю. Сегодня двадцать девятое июня. Первая группа выезжает восьмого. За это время ты должен всё подготовить.

– Спасибо, Игорь Петрович, век не забуду, – сказал Костриков и зашагал прочь.

Кочин смотрел в окно, пока не отошёл автобус, и на лице его блуждала улыбка.

Глава 9

Прошло несколько месяцев с тех пор, когда Виктор Уваров был у Кочина. Он по-прежнему работал агрономом. Некогда было думать о выезде в город. Текучка замотала вконец. Он мотался по району: то выбивал удобрения, то делал отчёты. Так что когда пришло письмо от Кочина, он не то чтобы обрадовался, а как-то сдал душой. И отказаться от данного Игорю слова не мог. Ему жаль было бросать начатое дело. Только что был полностью сделан тщательный почвенный анализ всего совхоза, как вдруг уезжать. Он ходил по избе, понурый и опущенный, и ни одной дельной мысли не приходило в голову.

Вечерело. Уваров вышел на улицу и долго сидел на козлах, где с женой пилили дрова. Мишка и Ванька кружились около ног, да ещё западно-сибирская лайка внимательно следила за действиями хозяина. Она тоже поняла, что с хозяином что-то творится неладное, грустила и отводила взгляд. Здесь было хорошо, уютно, правда, здорово одолевали надоедливые комары, но Виктор не обращал на них никакого внимания. На реке сновали утки. Собака тихо поскуливала, звала его на охоту, но он сидел без движения.

– Виктор, сходи в лес. Отвлекись, – крикнула Маринка, смотри, собака вся истомилась.

Но он ей не ответил, и она ушла в избу. А за деревней слышался крик грибников, но сейчас его не трогало, когда на сердце кошки скребутся, ведь через два дня он уезжает и надолго, считай на всю жизнь. Конечно, он будет сюда приезжать только уже гостем, а не хозяином. Картошка не выкопана, крышу бы надо немного подремонтировать, да всё как-то недосуг, яблони необходимо подрезать, а мне на учёбу в город Д. Виктор помнил, что сказал тогда его тесть, когда он поступил в сельхозинститут.

– Правильно сделал, – сказал он тогда, – земля наша, наша крепость, оторвёшься от неё, потеряешь силу.

«И вот приходится её терять нашу силу-то. А куда денешься, здесь уже нет продыху. Вся молодежь там. Что я передам своим детям? Вон они таращат на меня свои глазёнки. Я их надежда и опора, а у меня у самого подрезаны крылья и хотел бы я высоко летать, да не могу. И здесь такая скучища, хоть волком вой. Да ещё директор совхоза на мозги капает: почему, мол, не идёт мелиорация в совхозе, ведь много пустоши за деревней. Какая к чёрту мелиорация, если мы ещё не можем обработать культурных земель. Сколько запустили после войны? А ведь какие были урожаи. Хотя бы взять Генахину ниву, где рожь росла словно лес. А о картошке уж и говорить нечего. Я помню, как дед кричал мне: «Смотри, Вютюшка, какая овощ. Учись земельку любить пока я жив. Она у нас кормилица и поилица, так и дышит как живая. Да и так она живая. Она уже заросла ивняком. А он на болото глаз положил, а что там хорошего. Осуши эту массу торфа, жаркое лето будет и что? И погорит всё это. А там глубина залежей восемь метров. Голубев говорит: дескать, ты не понимаешь политики партии и правительства, пойми, если мы осушим эти болота. Нам за это все скажут только спасибо, да может ещё и наградят, не зря создано целое министерство мелиорации. Они сюда приедут, а у нас уже всё готово. Эх, ты Уваров! Надо ловить момент. Не хочу ловить эти моменты и понять тебя Владимир Степанович не могу. Вроде ты болеешь за нужды сельчанина, а на деле получается всё наоборот. Ведь что значит осушить эти болота? Значит, отнять у людей клюкву, грибы, нарушить фауну и флору леса. Чем питаться будут птицы: тетерева, глухари, рябчики, да и другая живность? – «Ну, уж это с тобой не наша забота. Не было печали о птицах ещё заботиться». – Но ведь это земля наша, – не сдавался Уваров. – Здесь жили наши предки, да и осуши это болото, не сменится ли после нашего вмешательства климат, ведь болото является естественным накопителем влаги. Не придётся ли нам потом бурить скважины, чтобы обеспечить животных водой? – «Мне приказано выполнять установку партии. Не тебя взгреют за невыполнение плана, а меня». – Но ведь и я кое что знаю, партия никогда не допустит безумных решений. –

«Видно тебе Уваров не доказать. В таком случае нам с тобой вместе – тесно». – Виктор Иванович тогда промолчал, но потом вздохнул, как будто ничего не произошло между ними: «Эх, Владимир Степанович, ты хочешь построить животноводческий комплекс аж на две тысячи голов – фабрику мяса и реки молока. Хочешь в деревне построить пятиэтажные здания. Мне кажется это просто напросто – абсурд да и только. Деревня должна жить своей жизнью. – «Ты знаешь установку партии. Между городом и деревней не должно быть существенной межи». – Всё это я хорошо понимаю, но... – «Что за но? Это указание партии». – Но куда мы будем девать навоз и навозную жижу? Реку загадим. – «Не твоя забота об этом, Уваров. Будут отстойники». – А что дальше? – «А дальше, яйца не пускают», – уже начал выходить из себя Голубев. – «Будем на поля возить, поливать».

Уваров тогда замолчал и долго смотрел в угол кабинета.

«Понимаешь, Уваров, огромные цехи по производству мяса. Это же что-то значит. Не понимаешь ты текущего момента. Нам доверили, а ты!? Эх, Уваров, Уваров»!

– Владимир Степанович, я кажется тебе в этом деле не помощник. Не хочу, что нам потом будут тыкать в глаза за то, что мы сделаем. Я уезжаю в город. Да и не дай бог, что в таком скопище животных начнётся мор. А это всё возможно. Подцепит одна коровёнка какую-нибудь заразу и пойдёт цепная реакция.

Голубев приподнялся со стула, долго смотрел в глаза Виктору, потом со свистом произнёс:

«Понимаешь ли ты, Уваров, что делаешь? Здесь твоя родина, твоя крепость, а там что? Ни кола, ни двора. Вот что милый, переезжай ко ты на центральную усадьбу, квартиры есть, может быть, дурь-то и выйдет из головы.

– Ты же только сейчас сказал, что нам вместе тесно, – улыбнулся Виктор, – но улыбка получилась вымученная. Одним словом несовместимость характеров. Сейчас это очень модно.

– Брось Уваров, Ваньку валять. Тебе это не идёт. Убедил ты меня, но не совсем. Мне до сих пор хочется осушить это болото, но если здраво рассудить, рановато. У нас и так пока земли хватает. Да

и в копейку это встанет. Может быть, тебя послушался, осушить, всегда успеется. Что ты там будешь делать, Виктор? Пойми город – не твоя стихия, ты не сможешь там жить.

– Другие живут, а я что глупее их? – пытался защищаться Уваров, хорошо понимая, что его доводы не убедительны и не имеют под собой твёрдой основы.

– Нет, конечно, ты не глупее их, даже талантливее многих, ты сугубо деревенский. Да что с тобой говорить, сам хорошо понимаешь. Земля без тебя осиротеет. Ладно, езжай, силой тебя держать не буду, но учти, для тебя здесь всегда есть место.

Голубев смотрел на свои тяжёлые, узловатые руки и вздыхал. Был он среднего роста, плечист и кареглаз.

– Спасибо, Владимир Степанович, если почувствую, что без земли жить не могу, вернусь, – вздохнул Уваров.

– Ты пойми, Виктор, мало ли что на работе бывает, разве можно всё принимать близко к сердцу.

Этот разговор с директором совхоза у агронома не выходил и головы. Он взвешивал всё за и против, но к выводу так и не мог прийти, ушёл домой взял бутылку и выпил. А после пришёл тесть Иван Петрович Денисов. Он смотрел в угол избы и молчал. Уваров хотел сказать, мол, что вы молчите, но не сказал, просто язык не поворачивался. Он понимал, что делает непоправимое, но удержаться уже не мог. До этого момента Виктор знал всё: для чего живёт, и какие перед ним стоят задачи. Сейчас же запутался, так ли он поступает, не лучше ли переехать на центральную усадьбу, где не надо заботиться о дровах, своём участке, и, конечно, о сене на корову. Жаль корову, хорошо доит, да и молоко прелесть. Сарайка далеко, да и несподручно получается. Зачем корова, когда молоко и мясо можно купить в совхозе. Можно,

конечно, только своё намного лучше. Тут доишь ручками, а там доильные аппараты. Аппараты они и есть аппараты, если плохо его обработать, может появиться вирус.

– Значит, к Кочину надумал, – выдавил из себя Денисов и поёжился, – старый я, сынок, живу воспоминанием. Может быть, чего и не понимаю. Трудно мне. Всё переворачивается с ног на голову, а раньше как? Земля кормилица и поилица, даже самый маленький клочок её и то берегли, а сейчас что? Вон Генахина нива вся заросла ивняком, и дела до неё нет никому, а на болота уже замахиваются. Что они, помешали! Сердце обливается кровью. Думал Витька Уваров, окончив, сельхозинститут, ну порадеет за нашу земельку. А он...

С улицы прибежали Мишка с Ванькой, схватили по куску хлеба и снова исчезли.

«Тяжело мне», – хотел было сказать Уваров, но сдержался, посмотрев на тестя, щёлкнул пальцами.

– Пойду я. Мне нехорошо, – сказал Иван Петрович, – что-то здесь не то. Ты уж, Витя, прости меня старика. Я думал, как лучше. У тебя уже чемоданное настроение, не удержать.

– Папа, зачем же вы его так, – вмешалась жена Маринка. – Он и так места себе не находит. Что ты думаешь, нам легко срывать с насиженного места.

«Нелегко, так и сидите», – хотел было сказать Денисов, но не сказал, понял, что уже бесполезно, и концы, соединяющие Уваровых с деревней, уже отрезаны, и остаётся им пожелать только счастливого пути. Он встал, зябко передёрнул плечами и вышел. А потом вскинулась Маринка. Она сняла резиновые сапоги, и с обидой сказала:

– Посмотри, что с моими ногами? Они преют от влажности. Я сама уж пропиталась потом и навозом. На что мне эти сапоги-чулки, модельные туфли. Перед коровами что ли выпендриваться. Что я хуже других? Вон Анька Рожнова дурнушка дурнушкой, а приезжает сюда фитимити горожанка.

Уваров вспомнил, как эта Анька сказала Маринке:

– Эх, такая красота гибнет в деревне. Одень тебя по настоящему, так от тебя же глаз не отвести. И чего нашла в этом захолустье. Ведь все твои подружки там – в городе. Восемь часиков отработала и ты свободна. Не надо ухаживать за коровами. Благодать. Хочешь в кино – пожалуйста, хочешь в парк тоже.

Деревня Елизаровка расположилась на высоком пригорке. Она прямо как бы поднялась над землёй, стремясь вверх к солнцу. А сзади и с боков её прикрывает сосновый бор. И стоит только перейти эту гряду сосняка, как сразу начинается болото, где клюквы временами столько, что и за осень не вычерпаешь. Внизу же прямо по фасаду домов виднеется река Шексна. Она спокойно катит свои чёрные волны на песчаную отмель. Слышно как временами в воду падают подмытые камни, или осыплется часть берега прямо с деревьями. В такие минуты идёт шум по всей деревне. Сначала люди выходили на берег полюбоваться происходящим, а потом надоело. А деревня стояла домик к домику, красивая, да ладная. Многие завидовали жителям Елизаровки. Когда-то здесь было пятьдесят с лишним домов. Осталось всего одиннадцать. Многие перевезли свои дома на центральную усадьбу, поближе к городу. Площадка, где обычно молодежь собиралась на игрища, заросла травой и ивняком. А когда-то сюда приходил и учитель физики Денисов поразмяться. Он говорил:

– Ребятки, дайте ударить, вспомнить молодость.

Уваров набрасывал ему мяч. И если Иван Петрович мазал палкой по мячу, он закрывал лицо руками и смеялся: вот, мол, старею, даже в лапту играть разучился. Он ещё долго стоял и смотрел на ребят, потом кричал задорно:

– А ну, ребятки, кто меня перегонит.

Потом он раздевался и прыгал в воду.

В воздух летели брызги воды. Шум и крик стоял такой, что из домов выходили люди, слушали. Набаловавшись вволю, все шли домой. Взрослые качали головами: хорошо здесь детям, приволье. И вот уже не слышно детских голосов. Уваровы так ещё не выросли, да и как им тут

вдвоём-то, не разбалуетесь много-то. Сейчас Денисов, оступаясь, шёл по деревне. Он помнил каждый дом, кто в нём жил и куда делся. Вот дом Игоря Кочина, а этот Дёмки Мальцева, а этот? Он перебирал в памяти имена, фамилии, даже год рождения многих помнил, родственные связи, вспомнил, как ходили чесать кулаки в соседнюю деревню, и частенько были битыми. А как было весело – синяк под глазом, но зато ты не уступил. Значит – настоящий мужчина. Никто не думал тогда, что деревня в скором времени будет неперспективной. Одних мужиков из деревни ушло на фронт больше пятидесяти человек. Из них заслужили высокое звание, герой Советского Союза посмертно, аж трое. А сколько награждённых медалями и орденами? Да кажется все, ушедшие на фронт.

Денисов сел на пенёк на краю деревни. Вот он Герой Советского Союза, родился здесь. Обыкновенный парень, а за родину свою не пожалел жизни.

Тиха ночь. Небо вывездило. В тёмной лазури пролетают самолёты, спутники. Сидит Иван Петрович, думает. А думы одна одной мрачнее. У Уваровых ещё свет. Галина Кочина спит. Не легко ей, всю жизнь промыкалась, воспитывая сына. Сначала хотела уехать в Москву к матери. Отец, ведь погиб, а у матери ещё сын и дочь. Мать каждый год приезжала в деревню, звала. Но Галина всегда отказывалась. Она душой прикипела к сельской жизни. И делать в Москве уже было нечего. Где работать ей, что знала, забыла, а техника на месте не стоит. Правда, Игорь на неё до сих пор сердит за это. Москвой он бредит, Москвой дышал. А перед ребятами похвалялся, что уедет в столицу, женится только на москвичке, не иначе как с высшим образованием. Будет у него трёхкомнатная квартира в центре Москвы, два сына, машина «Волга», и конечно шикарная дача. Мечты, мечты, сколько их было в деревне у людей. «Сначала боролись за Советскую власть, проводили коллективизацию, потом война. Пётр то Кочин не перед чем не останавливался для достижения своей цели, да попал под пулю Мишки Уварова. Не стерпело сердце парня такого надругательства над русской честью, правильно Мишка поступил, как патриот своей родины. Кочин всегда отличался этаким легковесным бахвальством. Думал ему всё позволено. Сунулся было к Маше с рукой и сердцем и получил от ворот поворот. Злобу затаил на Ваньку Уварова, да ладно бы на кулачках, а то друзей подпоил и науськал на парня. Это, конечно, подлость, так за свою любовь не борются. Хотел чужими руками жар загрести. Ишь, какой хлюст», – думал Денисов.

Луна взошла над деревней, осветив все её уголки. Вон покосилось крыльцо у Кочина, у Витьки Уварова крыша прохудилась, некогда парню, замотался весь. Денисов видел, как вышел из дому Уваров, тоже не спится бедолаге, да и как быть спокойным, меняется полностью жизнь. Не от добра бежать хочет. А что здесь хорошего осталось? Река и то стала грязной лужей. Сначала животноводческий комплекс траванул её, потом свинарник. Так что воду из неё стало пить опасно. А какая была раньше, чистая, да рыбная. Пей её свежесть – не напьёшься. А теперь! Эх, люди! Надо бы мне стукнуть кулаком по столу, чтобы не пилили парня, так нет, сам поддержал баб. Лучше ему там будет в городе то? Как бы не так. Сердце что-то стонет. Тесть ещё называется и друг его отца. Эх, дела, стали мы какие-то боязливые, да ещё себе на уме. Иван Петрович слышал, как в доме Уваровых открылась дверь, и донёлся до него голос Виктора:

– Тайга, и тебе нивмоготу.

Собака от радости и любви к хозяину залаяла и стала прыгать, чтобы лизнуть хозяина в лицо.

– Виктор, ты чего устраиваешь трагедии? – крикнула из окна Маринка, – многие уезжают и без сожаления. Нравится им в городе. Город – не деревня, что её оплакивать.

– Поезжай, Витенька. Что в деревне-то киснуть. Молодые ещё, годы то летят. Мы уж тут как-нибудь без вас справимся. Смотри-ко, почти вся деревня подалась в город, – вздохнула мать, пристроившись рядышком к снохе. – Игорь-то Кочин друг детства, езжай смело. Вон их дом. Галя- то не нахвалится на сыночка, какой он у неё умный, да хороший.

– Эх, – тихо пробурчал про себя Денисов, – сбили парня с пути общими усилиями. Я-то старый дурень не встал за него. Сейчас ещё Настя прибежит – тёща ненаглядная, моя жenuшка.

Так оно и вышло. Вскоре появилась и она. И Виктор решил удалиться. Он с болью посмотрел в глаза матери и прочитал в них: мне бы, конечно, было бы лучше, если бы ты был дома, но что поделаешь, все уезжают. И Виктор понял, она щадит его. Он поднялся на цыпочки и тихо пошёл прочь, вслушиваясь в жизнь природы, улавливал встревоженность птиц. По едва заметной тропинке завернул на кладбище. Могилки дедушки и бабушки с деревянным крестом встали перед ним. Виктор открыл дверцу, зашёл. Темно. Деревья, вырисовываясь на фоне горевшего заката, были величественны и сказочные. В кустах мелькала маленькая птичка, но Уваров не обращал на неё внимания. И она подседа рядышком, глядя на него чёрными бусинками глаз: мол, ты меня не обидишь? И, убедившись, что человек сидит не шевелясь, пискнула. Ей отозвалась другая. И тут наступила полнейшая тишина, даже слышен был треск кузнечика. Солнечные лучи, пробиваясь через зелёную чащу листвы, медленно таяли, вскоре совсем побледнели и пропали. Ночь приближалась, распуская чёрное покрывало тьмы. И словно по мановению волшебной палочки в небе блеснули яркие звёзды. Ночь была тёплая и нежная. В поле не утихал коростель. Запах разнотравья будил у него щемящую грусть. Уваров думал о своих близких. И думы были тоскливые, тягучие. На какой-то миг он забылся, и будто из-под земли он услышал голос любимой бабушки: «Ты чего Уваров скис? А ну пострелёнок выше нос, нет-то я тебе поддам». – Бабуля, ты? – хотел было крикнуть Виктор, но понял, что это голос из детства и отвечать на него не надо. – «Но бабушка права я растворился в своих бедах. Надо брать себя в руки».

Бабуля иногда покрикивала, но чтобы ударить – никогда. Дед тоже. Поэтому он любил их обоих. И вот теперь, сидя на скамеечке, он понял, как они ему дороги. Потом всплыла картинка из его детства. Вот Игорь Кочин стоит у школьной доски на уроке физики и отвечает тему электричество. У него смутное представление о том, как получается ток. Он, конечно, читал, готовился к уроку, но до конца так и не осознал. И сколько ему не объяснял Виктор, он мало что почерпнул.

– Кочин, ты сегодня готовился к уроку? – спросил, улыбаясь, тогда Иван Петрович.

– Вместе с Уваровым два часа сидели, – ответил Игорь, не смущаясь.

– Хорошо! Вижу, что знаешь. Ещё один вопросик и поставлю оценку.

Кочин заулыбался, взглянул победным взглядом на Виктора и приготовился к ответу. Он был напряжён ожиданием, но учитель не спешил. В классе была такая тишина, что было слышно полёт очнувшейся от спячки мухи. Все ждали, какой вопрос задаст учитель, если Игорь не ответил на заданный вопрос. Сделав серьёзное лицо, Денисов думал. Он краем глаза смотрел за Кочиним и с растяжкой в голосе сказал:

– Игорь, скажи пожалуйста, что будет, если генератор замкнуть ломиком?

Вопрос, явное дело, был провокационным, и Кочин глазами забегал по лицам одноклассников. Но ребята с улыбкой отворачивались. Время будто остановилось. Игорь не знал что ответить. И тут увидел Маринку, которая подавала ему сигналы, жестикулируя пальцами клетку на руках, и Кочин отрывисто брякнул:

– Турма.

Класс ахнул будто в помещении разорвалась бомба. Смеялись все даже учитель – серьёзный человек, побывавший на фронте, и тот не удержался. Игорь же, состряпав на лице маску шута-затейника, молчал, всматриваясь в лица одноклассников. Вытирая на глазах слёзы веселья, Иван Петрович сказал:

– Молодец, Игорь, садись. Ставлю тебе высший бал за ответ – два.

– Витя, а я, чтобы не случилось, буду инженером, – выдохнул из себя по дороге домой Кочин, – попомни меня.

На кладбище уже солнечный свет среди деревьев погас, когда Виктор почувствовал, что кто-то ему сунулся в руки мокрым носом. Он от неожиданности вскрикнул и вскочил:

– Тайга, ты? Как напугала. Ну, пошли домой.

В деревне уже не было свету, и только в доме Аньки Рожновой, которая приезжает сюда с компанией поразвлечься, гремит музыка и слышатся пьяные голоса.

«Дармовые деньги получают, – подумал Уваров. – То ли муж у неё, то ли сожитель не поймёшь, работает таксистом. Сама хвастала. На счётчике накрутит шестьдесят копеек, люди дают рубль. Стоит ли давать сдачу – мелочь ведь. А если ещё сядут пьяные, то её Вовулечка, как она его называет, и вообще стыд теряет. Аньке двадцать девять лет уже, а детей она рожать не хочет. Для себя живёт – сволочь». Он прошёл мимо её дома в поле. Трава шуршала под ногами. Огромная тень от ели, что стоит на краю деревни, перечеркнув большую часть поля, уходила вдаль. Луна, выглядывая из-за ветвей, подмигивала своим золотистым светом, а с северной стороны нависал ковш большой медведицы. Небосвод, будто на него накидали мириады звёзд, отдавал мрачным холодом. Виктор упал в траву и стал смотреть в небо. И ему показалось, что кто-то всемогущий придавил его, смотрит, раскрывает душу, спрашивает. Уваров хочет понять, друг это или враг и не может. Он видит огромные глаза вселенной, которые через жуткую тьму холода, добираются сюда, до него. Эти глаза сливаются в одно яркое огромное пятно на весь небосвод, надвигается на него. Его бросает в жар и холод. Виктор прижимается в страхе к земле, чувствуя, как от неё идёт материнское тепло, как она вздрагивает вместе с ним. Он приложился к её груди ухом и услышал, что сынок дрожишь? Я тебя не выдам. Я земля, земля, земля – прародительница всего живого. Опора ваша и надежда. Не забывайте об этом, люди!

Уваров не понял сон это или земля действительно говорила с ним. Очнувшись, почувствовав, что кто-то прижался к нему своим тёплым телом и лижет лицо.

– Тайга, моя собачка. Ты везде со мной, – пробурчал он, – спасибо тебе за верность.

Он обнял её и уснул на этот раз крепко. Земля баюкала и ласкала его. Он слышал глухие рокошующие слова: я тебя не выдам, не выдам! А потом зазвучало:

«Я земля, я своих провожаю питомцев,
Сыновей и дочерей,
Долетайте до самого солнца,
И назад возвращайтесь скорей».

Он увидел огромную женщину, покрытую лесами, холмами, морями, реками и озёрами, которая пела звучно и протяжно эту песню. Рот её раскрывался, и с языка стекали целые реки чистой изумрудной воды. А глаза были синие, синие. Уваров понял – это озёра. В своих руках она держала моря и океаны, как бы говоря: люди, пользуйтесь моими богатствами, я щедра, потому что ваша мать.

Уваров вскочил со словами:

– Приснится же такая бессмыслица, а потом думай, что ты не того. – Тайга взвизгнула, и Виктор вздохнул, – придавил я тебя собачка.

Выглянувшее из-за леса солнце окончательно разогнало остатки сна. По всему горизонту блестели его яркие лучи. День разгорался, плавился, цвёл. Виктору показалось, что в лучах восходящего солнца стоит женщина – земля и расчёсывает свои длинные зелёные волосы. Они искрятся и блестят изумрудами. Он присмотрелся, протёр глаза, но ничего не увидел, кроме набегавших со стороны солнца белёсых туч. Что это было предупреждение или ещё что, он, конечно, не знал, только боль по земле нашей вошла в его сердце и не давала покоя.

Маринка, обеспокоенная отсутствием мужа, избегала всю деревню и когда увидела его, просто повисла на шее и заплакала.

«Надо ехать, – подумал Виктор, – они правы. Наша жизнь продолжение рода».

Через несколько дней поезд, стуча на стыках, увозил группу рабочих на учёбу в Днепро-дзержинск. С ним уезжал и Виктор Уваров.

Глава 10

Поезд из Москвы должен был прибыть с минуты на минуту. Василий Костриков нервно ходил по перрону и, не обращая внимания на людей, жевал яблоко, сорванное по пути. Вид у него был, конечно, затрапезный. Он как-то весь обмяк, съёжился. Случай случившийся с ним в общежитии, который получил на заводе широкий резонанс, он не забыл. И сейчас, вспоминая об этом, не знал как вести себя при встрече. И ещё он боялся, что лаборантка Зойка Кухтина отвернётся от него. Она красивая и обаятельная, может ребят водить за нос. И ростом не обижена – всё при ней. Костриков зашёл в магазин, выпил два стакана вина для храбрости, но так и не мог успокоиться. Он видел свой позор и насмешки. Раздался звонок, и поезд, гася скорость, появился из-за поворота на станции. Василий взволнованно остановился у десятого вагона. Он хотел сначала увидеть глаза своей Зои, как она к нему относится и что скажет. Но девушки не было видно, и Василий расстроился: мол, это плохая примета.

– Здорово, Вася, – услышал он голос машиниста Алексея Могучева, – не соскучился?

Спрыгнув со скамейки, он облапил Кострикова да так, что тот ойкнул. Уваров вышел из вагона последним и, взяв в левую руку маленький чемоданчик, правой поздоровался с машинистом.

– Стоишь, герой, – вздохнул Веселов и деланно улыбнулся.

– А что мне прикажете делать? – обиделся Костриков. – Я на службе.

Могучев уже тащил Кострикова в сторону и шептал на ухо:

– Ну, как устроился?

– Увидишь сам, чего спрашивать. Дом с садом, что ещё надо. И главное в нём никто не живёт.

– Добро. Ты как всегда не превзойдён. Я рад за тебя. Не приготовил?

Могучев щёлкнул себе по подбородку, прищурился левый глаз.

– Денег нет.

– Плохо живёшь.

– Да куда уж лучше.

К Кострикову подбежала Зоя Кухтина, повисла на руке и, улыбаясь, шептала ему на ухо:

– Я тебя ревную. Ничего не было?

– Что ты, Зоинька. Я тебе верен, – обворожительно хмыкнул Василий, обнимая лаборантку за талию.

– Васька, смотри у меня, – погрозила она пальчиком.

– Зоя, чего ты к нему липнешь? Разве ты не знаешь. У него ж мужская доблесть подгорела. Я-то уж не откину, приходи, коль что, – улыбнулся Николай Веселов. – Эх, молодость и на что она только способна. Вроде всё есть, так нате – губят себя. Эх, Вася, Вася, и когда ты поумнеешь.

– Зоинька, а как же я? – вздохнул жалобно Сиротин, – обманула значит, а говорила люблю.

– Федя, извини. Так уж получилось. Я теперь люблю Васю.

– Да, – снисходительно покачал головой Фёдор Григорьевич, неудача. А я решил было жениться, но видать не судьба, придётся оставаться холостяком.

– Не журишь, – подмигнул одним глазом Веселов, – найдём тебе кралю, да ещё какую. Зойка девка на любовь не против, товар видит на лицо.

И уже издали донеслось: «Наша беда, Федя. Маленькое дерево всегда в сук растёт». И оба захохотали.

Зойка, как будто ничего не произошло, улыбалась. На её лице было написано: я счастлива, что наконец-то в жизни повезло. Она отдала свой чемоданчик Кострикову и, держась

за него, шла медленно и степенно. А рядом с ними был Алексей Могучев. Вскоре они обогнали вереницу людей из своего цеха и теперь шагали одни среди зелени, и спускавшихся почти на дорогу сочных вишен и яблок. Могучев останавливался, рвал ягоды и, обтерев их носовым платком, бросал в рот.

– Лёша, потерпи, придём домой, намоем, тогда ешь сколько влезет, – видишь они все в пыли.

– Слюнки текут, разве утерпишь.

– Я тоже, как увидел, обалдел, а потом надоели.

– У тебя пройденный этап.

– Будет и у тебя.

Прохожие сторонились, уступая дорогу, и ещё долго смотрели вслед. Костриков здесь был как уже свой. Он уверенно вёл людей по улице, рассказывал новости, улыбался. С завода наносило различные запахи, и люди зажимали рот и нос. Но где там, газ проникал в лёгкие помимо их желания.

– Привыкайте, – сказал Костриков. – Я уже оклемался. Сейчас себя чувствую нормально. Кто-то вздохнул: привыкает и собака к палке. Но его не поддержали и он умолк.

– Вот здесь будут жить итеэровцы, – наконец показал Костриков, – женщины через улицу, а мы вот в этом домике среди зелени вишен и яблоней.

Он остановился около маленького заборчика, протянул руку к запору и зашёл в сад. Небольшой летний дом утопал в зелени. К самому окну спускались фрукты и ягоды. Стоял мощный аромат созревания. Узкая тропинка, выложенная камнем, вела к кирпичному крыльцу. Метров через пятьдесят виднелся ещё один дом. Всё это хозяйство было обнесено единым забором. Между домов были грядки с овощами. По середине огорода под раскидистой яблоней стояла маленькая будка. Со стороны можно было подумать, что это сторожка. Но оказалось, что это была летняя душевая, которая непринуждённо вписывалась в колорит зелени. Если жарко, пожалуйста заходи, смой дорожную пыль, и тебе станет легче.

– Душевая, – похвалился Костриков, – два раза уже мылся, правда, вода очень холодная, но сейчас лето, как раз самый что ни на есть смак.

Он достал из кармана ключ и открыл висячий замок. Из комнаты пахло мышами, затхлостью и ещё чем-то едва уловимым. По стенам стояло восемь коек с сетками, две тумбочки, три стула. Деревянный пол с огромными щелями и давно вытертой краской, поскрипывал под ногами. А в открытую форточку доносился лёгкий шелест сада. Устойчивый запах завода забивал остальные запахи. А когда случалось, что ветер менялся, сад благоухал несмотря ни на что. Он держался молодцом, отстаивая своё естество от надвигающейся и давящей на него со всех сторон мощной промышленности. Присыпанные заводской пылью листочки и плоды были неестественны и какие-то блёклые. И только проливался дождь, вокруг всё сияло.

– Прошу, – торжественно махнул рукой Костриков и сел прямо на койку, – располагайтесь.

Он был весел и счастлив, но за этим добродушием чувствовалась напряжённость, которая сковывала его изворотливый ум. Василий, всматриваясь в лица людей, ждал подвоха, откровенной невысказанной злобы, презрения. Семь, приехавших рабочих разбирали чемоданы. И он успокоился.

– Лёша, может быть, надо как-то отметить, – начал он вкрадчиво, – как-никак новое место жительства. Не хорошо как-то. На работу только завтра, да и познакомиться неплохо бы.

– Давай, в чём же дело. Ребята, давайте сбросимся, – вынимая кошелек из кармана, прокотал Могучев.

Зашуршали в руках рубли, трёшки, пятёрки. Костриков взял сумку и, поглядывая на Уварова, который ещё думал, принимать участие или нет, молчал хмуро.

«Хорошо ли с пьянки начинать свою деятельность, – усомнился было Уваров, – ведь на новом месте мы должны быть чище, лучше». Но будто догадавшись о его нерешительности все стали доказывать, что людям необходимо встряхнуться, сбросить стрессовое состояние, навеянное дорогой и решить кое-какие неотложные дела, а делается это как обычно за круглым столом. И получается просто и доходчиво. И Виктор вынул из кошелька пятёрку и отдал Кострикову.

– Сейчас я вишенки нарву, хозяева сказали: берите сколько потребуется, – я им говорю, мы деньги заплатим. А они аж рассердились на меня, мол, какие деньги, сучья ломаются от плодов. Во как!

Костриков явно гордился находкой жилья и был доволен собой. Взял в руки эмалированное ведро пошел в сад. За ним устремился машинист Могучев. Вдвоём они быстро набрали ягод, тщательно вымыли их под колонкой и, расплескивая улыбки, вошли в дом. «Угощайтесь, – было написано на их лицах, – а мы пока сходим в магазин». И быстро удалились.

Уваров молчал, он как бы со стороны наблюдал за событиями, знакомился с людьми, хотя в вагоне он уже со всеми перезнакомился, но сейчас он просто изучал их поведение, ведь с ними придётся работать долгие годы. Сейчас он сожалел, что так быстро поддался на уговоры, поэтому настроение у него испортилось. Но в тоже время он не хотел быть белой вороной среди товарищей. Получался замкнутый круг, из которого он не видел выхода. Виктор хорошо понимал, что сказать, мол, нельзя так – не разумно, тем более, здесь все взрослые люди, да и могут обидеться, дескать, выскочка и умник. Находишься в волчьей стае, по-волчьи и вой. Он смотрел в сад, а видел свои поля, леса и озёра. Ему вспомнился начальник цеха Игорь Кочин и его жена Катя. В вагоне у неё был грустный вид, даже выпитое вино за компанию, не придало ей весёлого настроения, а наоборот она могла расплакаться в любое время. Так и ехала скучная, и ко всему безучастная. Что с ней происходило, Виктор не знал. Он разговаривал с ней несколько раз, но она отвечала невпопад, а то и просто молчала. Он отошёл в недоумении. С мужиками было намного проще, он понимал их и они его. Вот и сейчас сидя на койке, он думал о прожитой жизни. Мысли тянулись вереницей, связывая одной ниточкой: лица, факты, события. Годы летели быстро, правильнее будет не годы, а отдельные яркие впечатления. Прожитая в деревне жизнь высвечивалась своими неровностями и, конечно, радостями. И сейчас на дороге к новой жизни, он анализировал старую, прожитую в деревне, где ему было всё дорого и близко. Он ещё не мог вжиться в роль аппаратчика и горожанина, и теперь только смотрел как быстро сближались люди. Там Виктор не искал слов, всё было естественно и просто от рождения. Сама жизнь говорила: Виктор, делай то, делай это. И он с грустью думал: «Как-то сложится моя жизнь в городе?»

Дверь скрипнула, возвращая его к действительности. На столе появилась украинская горилка, зельцы, солёные огурцы, хлеб.

Сияющий Костриков изрёк, разливая водку в стаканы:

– Осушим, братья мои, по чарочке с дорожки, сначала за одну, а затем за обе ножки, чтобы они не спотыкались. И пусть наша жизнь будет безоблачной.

– Осушим, – рявкнул Могучев под дружный звон стаканов.

В этом звоне Уваров услышал какое-то неистовство, уход от всего, что связывало его с прежней жизнью, которая осталась там за пределами мироощущения. Его охватывало новое чувство и теперь несло куда-то в неизведанную даль. Он ещё силился понять себя, но неумолимый рок уже властвовал над ним с полной силой. И ему казалось, что он всегда жил в обществе этих людей. Потом появилась песня или чей-то вздох, который и вывел его из себя. Уваров набрал полные лёгкие воздуха и с жаром подтянул. А потом пошли к девушкам, всем было легко и весело. Куда-то улетучилась скованность движений, и на место её появилась развязность и героика. А Катя ему показалась просто неземной ангел. Виктор что-то говорил ей, может быть, даже клялся в любви или ещё что, не соображал. Он видел её силуэт милый

и доверчивый. Но она недоступная жена Кочина – ореол красоты. Что было потом Уваров не знал, а когда проснулся поздно ночью, пришедшая мысль обожгла его: «Что вчера было. Как я вёл себя?» Он спал копать в уголках своей памяти, пытаюсь составить общую картину поведения среди девушек, и не мог. Всё плавилось, плыло, растворялось. Вместо лиц видел белые пятна, слышал смех новоявленных друзей и девушек. Будильник, заведённый на всю катушку, загремел как грохот грома среди ясного неба. Уваров встал, включил свет и, потягиваясь, пошёл к двери. Семеро его друзей лежали на койках в разных позах. Они нехотя стали подниматься, протирая глаза. Умывшись под раковиной, доели, что осталось от вчерашней попойки и пошли на работу. По дороге на завод Виктор смотрел на девушек и мужчин. Но на него никто не обращал внимание. И он успокоился.

Завод встретил группу приезжих шумом, резким запахом аммиака, который, как показало Виктору, заполнил вокруг всё пространство. Он видел, что люди проходили по территории завода спокойно, не дёргаясь, видимо, притерпелись. И он успокоился: привыкну, что я хуже других? И смело зашагал со всеми вместе.

Временами срабатывали предохранительные клапана или открывались свечи, и тогда газ с шумом вырывался в атмосферу. Огромные корпуса зданий, молчаливо сверкая стёклами, стояли по обе стороны дороги. Было такое время, когда люди, поглощённые своей работой, делали план. Уваров отметил про себя: добро. Нет бесцельно шатающихся, значит учиться есть чему. Хмурая и молчаливая рядом с Уваровым шла Катя Кочина. Она не выражала общего интереса, который охватил людей перед встречей с будущим. Ведь как они научатся работать, так и сложится их дальнейшая жизнь. Всё зависит только от себя и ни от кого больше.

А над корпусами завода плавилась белёсая пелена. Солнце, выглянувшее из-за неё, казалось чахоточно красноватым, будто новорождённый ребёнок не в силах сбросить продолжавшийся сон.

– Наш цех, – кивнул головой Костриков, – здесь мы будем грызть науку.

Он весь собрался, и вошёл в бытовое помещение корпуса. Даже сюда слышался ритмичный шум турбины и гудение трубопроводов. Уваров осмотрелся и сказал Кочиной:

– Чистота, как в квартире. Порядочек.

Катя промолчала, вглядываясь в лицо Виктора, но в лице не мелькнуло осознанной мысли. Она как-то машинально посмотрела на него, отвернулась и пошла в сторону.

Обшарпанные бетонные полы были чисто вымыты и покрашены. Лестничные перила блестящие, видно уборщица их недавно помыла.

Приезжих давно уже ждали, провели прямо на пульт управления, усадили на стулья и без предисловий сказали, что все будете ходить по сменам, и каждого закрепили за инструктором. Мигали лампочки на пульте управления. Старший аппаратчик цеха по селекторной связи переговаривался с аппаратчиками на местах.

– Я думаю, всё ясно, – глядя в лица приезжих, спросил технорук. – Спецовка у вас есть, тогда я закончил. Экзамены примем перед отъездом. Инструктаж прочтёт начальник смены непосредственно по рабочему месту. Кто желает посмотреть цех, милости прошу. Технорук, медленно растягивая каждое слово, объяснял где что. Чувствовалось, что он сам влюблён в своё производство. С его языка срывались весёлые нотки, фамилии, имена своих подчинённых, которые в ответ улыбались ему. Выйдя на конверсию, он увидел сидящего около контактного аппарата аппаратчика окисления.

– Володя Сокол, – сказал он, улыбаясь, – ему бы парить в вышине, как-никак такая громкая фамилия, а он словно прикован к своим стёклышкам. Платиновые сетки дороговато стоят. Спать их пустяк. Дай побольше аммиака, и всё.

Уваров посмотрел в смотровое стёклышко и увидел раскалённые сетки, где происходила реакция окисления аммиака. Он не ощутил, чтобы откуда-то пахло аммиаком или окислами азота. «Да идеально сделано, – подумал он, – будет ли у нас так?» И вспомнил Кочина

не взрослого, облечённого правами и обязанностями, а почему-то маленького, ещё школьника. И сам удивился своим внезапным мыслям. В мозгу упрямо, не желая уходить, билась мысль: «Рождённый ползать, летать не может».

– К чему всё это? – ругнулся Виктор, озлясь. – Взлетел Игорёк и высоко. Ох, как высоко. Значит, сумел преодолеть умственную отсталость.

Он оглянулся, не услышал ли кто его сокровенных мыслей, но разве разберёшь в таком шуме шёпот, да ещё технорук кричит. И чтобы отвлечься от навевавших его мыслей, стал прислушиваться, но сосредоточиться не смог. Василий Костриков шёл рядышком с техноруком и, заглядывая ему в глаза, спросил:

– А что будет, если турбина встанет?

– Отсекатели должны перекрыть аммиак через систему автоматики, чтобы не сгорели платиновые сетки, – посерьёзnel технорук.

Он понял, что приезжие уже кое-что знают, и с ними надо держать ухо востро. А Уваров молчал. Он ещё не совсем вжился в оболочку аппаратчика, и когда это будет, не знал. Он ходил рядом, стараясь уловить смысл разговора, и постепенно увлёкся. Химия для Виктора была любимым предметом. Он зримо ощущал, как происходят бурные реакции с выделением огромного количества тепла, отделяя один компонент от другого. Ещё в школе удивлялись его способности видеть и слышать то, что происходило в пробирках. Технорук говорил, а Уваров наблюдал, как течёт реакция. Он так увлёкся своим открытием, что не услышал, как пошли товарищи. Виктор долго бы, наверное, простоял, если бы не Катя, которая постучала по плечу и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.